

Иар Эльтеррус

ОТЗВУКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕТРА

МЫ – БЫЛИ!

ПРИЗЫВ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Новинка!

Отзвуки серебряного ветра

Иар Эльтеррус

Мы – были! Призыв

«Автор»

2006

Эльтеррус И.

Мы – были! Призыв / И. Эльтеррус — «Автор»,
2006 — (Отзвуки серебряного ветра)

Тина Варинх жила на маленькой аграрной планете Нахрат. Родители девушки, бедные фермеры, продали ее богатому, но ненавистному жениху. Тина решилась бежать. Вскоре она наткнулась на банду эйкеров, а дальше началось то, о чем она не могла вспоминать без ужаса и боли... Тина выжила, вернулась к родителям. Согласилась выйти за нелюбимого Биреда. Ей было все равно. Но в Галактике, погрязшей в насилии и жестокости, еще жива надежда. Однажды над Нахратом зависли невиданные здесь космические корабли. Небо покрылось радужными сполохами, сквозь которые проступили три древних символа, и громовой голос призвал отозваться всех, кто желает странного. Тина не могла не отозваться. Она знала, что рыцари могущественного ордена Аарн пришли за нею, чтобы увезти туда, где поет серебряный ветер звезд, где лучшие люди сражаются за свободу, добро и любовь. Где даже скромную деревенскую девушку ждет необычная судьба! Этой книгой начинается легендарный цикл Иара Эльтерруса «Отзвук серебряного ветра»!

© Эльтеррус И., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Мы – были!	9
Призыв	11
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Иар Эльтеррус

Мы – были! Призыв

*Памяти моей матери, Раисы Афанасьевны Гладун, посвящается.
Спасибо за то, что научила меня стремиться быть лучше, а не
жить лучше!*

*Спасибо за то, что научила меня мечтать о небывалом и
несбыточном!*

Плутония

– Живешь, работаешь, от горя стонешь ли,
встречаешь песней ли грозу и ветер, —
А где-то дремлет страна Плутония!
– Которой не было нигде на свете?!
– Что значит – было?.. Что значит – не было?!
Вопрос непраздный! Вопрос – тревожен...
Быть может, то мы считаем небылью,
Чего пока еще понять не можем?..
Мы так не любим чуждых и странных,
мы так не верим всем непохожим!
Мы словно чувствуем покровом кожным,
что непохожесть их – нам сердце ранит...
Ведь мы же видим – они не тонут
в бумажных заводах, в житейских буднях!
Они шагают в свою Плутонию...
– Которой не было, нет и не будет?!
– Вам очень хочется всегда быть правыми?
И в правоте своей – несокрушимыми?..
– Но если правы мы – имеем право мы
самих себя считать непогрешимыми!
И вдруг – Плутония... Зачем, к чему она?!
Она же логикой – не проверяется!
Ее же – не было?.. Она ж – придумана?!
Она же в здравый смысл не умещается!!!
– О, успокойтесь, благополучные!
Вас племя странное вовсе не тронет...
Вас не зовут же в страну за тучами?..
Вас – и не пустят в эту Плутонию!
Страна Плутония – не для смирившихся,
не для живущих единым хлебом,
с любой неправдою легко ужившихся,
не подымающих головы к небу!
О равнодушные, о посторонние!
Ведь это вам назло – ее не видящим! —
живет и здравствует страна Плутония,
страна любимая нездравомыслящих.

Раиса Гладун
1932–2001

«Отзвуки серебряного ветра» – моя попытка найти выход из тупика, в котором оказался наш мир. Тупика подлости, жестокости и корысти.

Искушенному читателю мир ордена Аарн может показаться несколько схематичным. Вполне возможно. Но мне важно было донести основную идею, а второстепенные детали и научная достоверность не имеют для меня особого значения.

Меры веса, длины и времени в романе даны в привычных для русскоязычного читателя единицах.

Новые термины объяснены либо в самом тексте, либо в сносках. Новые идиоматические обороты приближены к русским и, надеюсь, не вызовут у читателя затруднений.

Все совпадения с реально существующими людьми или событиями случайны, роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии.

Автор выражает свою искреннюю благодарность редакторам Любови Зиновьевне Лейбзон и Евгению Геннадьевичу Коненкину, без помощи которых эта книга так и не обрела бы законченный вид. Слишком много лет она писалась. Также автор благодарит участников форума <http://forum.elterrus.net> за помощь и подсказки, за бесконечный, длившийся годами поиск логических несоответствий, за сотни высказанных идей, военных концепций и типов оружия, за рисунки, стихи, песни и составление энциклопедии обитаемой галактики, составить которую самому автору просто не хватило бы терпения.

Песнь странных

Бывает так... Бывает. Ты снова не знаешь, кто ты и что ты, снова мечешься в странной паутине волн жизни, которые меняют тебя, но ты сам этого не замечаешь, думаешь, что ты все еще прежний. А потом понимаешь, это не так, и не знаешь, что делать... Да ничего! Слушай, как серебряный ветер играет листвой Древа Звезд. Не забывай, что ты умеешь летать. Помни, что там, далеко, есть звезды и они зовут тебя в неизведанное, в мир, где нет подлости и лжи. Увы, многие не хотят об этом помнить и теряют крылья, перо за пером, становятся, по словам поэта, «бескрылыми злыми духами». Это – истина! С ней ничего нельзя поделать. Но мы не хотим, не можем жить без крыльев! И слава Творцу за это. За то, что Он дал нам Иное, непонятное *им*. Да, *им* никогда не услышать Ветра Звезд, никогда не понять звенящей красоты невероятного. *Они* слепы и глухи, и это – *их* вина. *Они* сами завязали себе глаза и заткнули уши. Это *их* выбор, и *они* имеют на него право.

Мы же не с *ними*.

Мы не хотим быть с *ними*!

Нам противно быть с *ними*!

Лучше быть одному, чем с кем-то из *них*. Запомните раз и навсегда —

МЫ НЕ ТАКИЕ.

Нам чужды их идолы и их кумиры, их чаяния и их надежды, их горести и их радости. Мы всегда отрывались от земли, уходили туда, куда *им* никогда не попасть, куда никого из *них* просто не пустят. И за это из века в век *нас* побивали камнями, жгли на кострах, втаптывали в грязь и бросали в застенки, над *нами* смеялись и объявляли безумцами. Но *мы* все равно отказывались отречься от мечты.

Пусть *они* молятся своим богам. *Они* отвернулись от Творца, и Он отвернулся от *них*. Ведь Творец улыбается только тем, кто способен заглянуть за горизонт и не побоится броситься с обрыва и распахнуть крылья, не зная, взлетит он или упадет. Пусть наслаждаются своими «богатствами» и радуются своему «достоянию». Однако *им* этого мало, их пугает *мы*, НЕ ТАКИЕ. Ведь *нам* доступно что-то, чего *им* никогда не понять, и *им* страшно от осознания этого. От осознания, что впереди у *них* – только *мы*. Они жаждут лишить *нас* крыльев, убедить, что нет у *нас* этих крыльев и быть не может.

Порой кто-то из *нас* падает, приняв их ценности, но на смену упавшему расправляют крылья и взлетают ввысь десятки других, не слыша перепуганного визга оставшихся внизу.

Им нас не остановить! К сожалению, часто *мы* обречены оставаться изгоями в мире боли и горя, порой бредя сквозь туман в полном одиночестве, не обращая внимания на летящие в нас камни, плевки и проклятия. Но помните, что именно *мы* заставляем человечество идти вперед, не позволяя ему превратиться в стадо сытых, довольных жизнью животных.

Не бойтесь!

Гордо расправляйте крылья и взлетайте ввысь!

Да, плата за это будет страшной, но *нас* ждет небо! А потом *нас* поведут на костер? Что ж. Помните: Творец улыбается *нам*, а не *им*! И что бы *они* ни делали, *им* нас не удержать. *Мы* все равно взлетим, оставив болото внизу.

Мы – были!

Мы – есть!

Мы – будем!

Мы – были!

Интерлюдия I

Боль понемногу отпускала. Я снова глотнул немного спирта и облегченно улыбнулся. Ну вот, еще один приступ миновал, еще одна попытка позади. Сколько их было и сколько их еще будет... Я просканировал происходящее на крейсере и вздохнул. Опять кто-то ищет меня. Дети, настоящие дети... Как же я вас люблю, как же вы мне дороги! Мне легче вынести сотню таких приступов, чем потерять кого-то из вас. Вы не бессмертны, в отличие от меня, и вы уходите. Увы! Но сейчас вы счастливы, и я рад, что сумел дать вам немного счастья, сумел вырвать вас из мира боли и горя, отчаяния и безнадежности. Кто-то скажет, что я идеалист. Да, идеалист. Ну и что? Я сам часто и во многом сомневаюсь, но иного пути у меня все равно нет. Я должен, должен искупить Зло, которое принес во Вселенную двадцать тысячелетий назад. Я искал тогда власти и бессмертия. Нашел на свою голову... Зачем, зачем мне это было нужно? Убей меня Создатель, если понимаю. Да, тогда я еще не знал, насколько это больно – быть бессмертным.

Я снова вслушался в эмофон и не смог удержаться от улыбки. Тина уже обыскала меня, какая-то у нее проблема возникла. Девочка ты моя хорошая... Знала бы ты, как я тебя люблю! Но не узнаешь. Никогда. Моя судьба – боль и одиночество, и я никому не позволю разделить эту ношу со мной. Не нужно вам, дети мои, знать, как мне приходится платить за все, что вас окружает. Не нужно. И так каждый из вас прошел через ад, так пусть хоть здесь, среди тех, кто любит вас и кого любите вы, вам будет хорошо. Пусть хоть здесь вы не узнаете боли и горя. Живите, любите, творите. А моя задача – закрыть вас собой, защитить от всех бед. Неважно, какой ценой, но защитить. Не допустить царящее во внешнем мире Зло до ваших забывших о боли душ.

Я тяжело встал с кресла, с брезгливостью оглядел свое покрытое кровавыми сгустками тело и короткой сверткой вероятности очистил его. Еще одна свертка, и больше ничего не напоминало о том, что на полу этой крохотной каютки я несколько часов корчился от адской боли. Впереди много работы, слишком много. Я проверил основные потоки энергии и удовлетворенно кивнул – все в порядке. Пока в порядке. Сколько это продлится? А кто его знает...

Перед глазами внезапно возникли четыре юных улыбающихся лица. Этих четверых детей я в свое время спасти не сумел. Нашлись подлые люди, воспользовавшиеся их страшной смертью и создавшие Церковь. Вряд ли умершие этого хотели, я их хорошо знал. Но именно их жертва заставила меня самого задуматься о боли и несправедливости мира. Заставила попытаться найти выход из тупика, в который снова зашли разумные. Сколько попыток исправить хоть что-нибудь я предпринял... Даже не помню. Не одну тысячу, наверное. Так и до сих пор, наверное, пытался бы, но, слава Создателю, понял, что разумных нельзя тянуть в рай на аркане. Для них он окажется только адом. Или, если точнее, они превратят рай в привычный и знакомый им ад, в котором можно творить подлости, насиловать и убивать. Так зачем же звать с собой таких? Глупо. Пусть остаются в болоте и продолжают гнить. Это их собственный выбор, они сами его сделали. Но вырвать из их жадных лап тех, кто чище других душой, кто не может и не хочет жить в аду, – мой долг.

Кто-то скажет, что это мои измышления и нечего мешаться в Божий промысел. Но кто скажет? Как раз те, чье мнение не интересует ни меня, ни моих детей. Те, для кого сутью жизни является подлость, а целью – корысть. Пусть говорят. Нам нет до них дела, ибо они не способны мечтать. «Как это не способны?!» – завопят они возмущенно. Но разве можно считать мечтой мечту о безграничной власти и больших деньгах, или же о новой машине, или хрустальном сервизе? Нет, конечно.

Я снова внимательно проверил, чтобы в каюте не осталось ничего, способного выдать хоть что-нибудь. Впрочем, вряд ли ее кто-нибудь найдет, слишком хорошо спрятана. Только двархи знают о существовании таких кают на каждом нашем корабле и каждой боевой станции. Пришлось заставить этих ехидных существ дать слово молчать, а то ведь у каждого из них не язык, а помело. Все разболтают. Но нет, даже если кто-то ее и найдет, то понять ничего не сможет – обычная нежилая каюта на вид. Надев форму, я вышел.

Переместившись в Зал Отдыха, я улыбнулся в ответ сотням сверкнувших мне улыбок. Сотни сияющих радостью и счастьем лиц снова сказали мне, что я живу не зря. Спасибо вам, дети мои! Спасибо, что вы есть. Когда я вижу вашу радость, моя боль меня не волнует. Всего лишь моя боль за ваше счастье? Какая мелочь! Я справлюсь. Я все-таки маг.

Остановившись у огромного иллюминатора, я горько улыбнулся, предавшись воспоминаниям. Многих из вас уже нет, вы ушли в Миры Творения, к Создателю, и уже никогда не вернетесь сюда. Покинули колесо перерождений. Иногда мне кажется, что я слышу ваши голоса ушедшие. Вы говорите мне, чтобы я не оплакивал вас...

«Да, Мастер... – донесся до меня почти неслышимый шепот из глубин Вселенной. – Не надо нас оплакивать. Мы – жили. Мы – любили. Мы – верили. Мы – были!»

Из ненаписанного дневника Илара ран Дара

Призыв

Глава 1

– Тина! – вопль отца, казалось, разорвал воздух. – Где тебя носит, чакварда, Благими проклятая! Иди коров доить, чтоб тебя перевернуло и шлепнуло!

Девушка вздрогнула и отвлеклась от своих фантазий.

Вздохнув, она взяла ведро и нехотя поплелась в коровник. Ее тошнило и от фермы, и от этой работы, и от родной планеты на задворках Скопления Парг, и, как ни стыдно в этом признаться, от собственной семьи. Слишком приземленными все они были, и ничего, кроме фермы и сельскохозяйственных работ, их не интересовало. Как бы продать выращенное подороже, да обмануть налоговое ведомство, да напиться до поросычьего визга. А то спяну и по мордам надавать друг другу или соседям.

У сестер с матерью только и разговоров было, что о мужчинах да о тряпках. Рукоделие, домашнее хозяйство, женихи и походы в церковь – больше они знать ничего не хотели. Зато ее... Ее всегда влекло неведомое. Над Тиной смеялись все кому не лень, и девушка от насмешек только сильнее замыкалась в себе. Ее обзывали зазнайкой и неумехой, а она всего лишь не хотела жить их серой и нудной жизнью. Остаться одинокой в большой и шумной семье нелегко, но Тине это удавалось.

Как в семье обычного фермера могла родиться такая дочь, не понимал никто, но девушка действительно была странной. Она могла часами стоять под звездами и восхищенно любоваться ими. Могла застыть у неприметного цветущего сорняка, который любой крестьянин выдерет с корнем, едва завидев. Ей страстно хотелось сбежать с родного Нахрата, окраинного колониального мира Скопления Парг, государства отнюдь не богатого. Но на ее родной планете и космодром-то был всего один, в столице, на другом материке, куда никто из ее семьи не ездил – слишком дорогая поездка. Да и зачем? Все, что необходимо, можно купить в близлежащем городе, Таркине.

Развлечения? Инфовидение демонстрировало массу развлекательных программ. Вот только Тину от этих программ воротило, они были рассчитаны на дураков, людей с простыми, незамысловатыми интересами, а дурой девушка никогда не была. Лишь изредка, когда транслировали передачи ордена – хотела бы Тина знать, что это за орден? – она смотрела инфор¹ с удовольствием. Правда, удавалось это, только если никто другой не хотел смотреть футбол или мыльную оперу. Больше никто из семьи не желал смотреть программы, которые заставляли думать, пробуждали жажду невероятного и желание этого невероятного добиваться. Кому хочется чувствовать себя дураком? Никому, вот люди и не смотрели того, что вызывало странные мысли и странные желания. К тому же почти не оставалось времени – слишком много на ферме дел.

Нельзя сказать, чтобы Тина не умела работать. Умела, и неплохо, но вполне могла за работой замечаться и забыть обо всем. Ей было настолько неуютно в этом мире, что она придумала собственный мир и старалась в нем жить, не обращая внимания на окружающее. Но, увы, это редко получалось – сестры дразнили девушку и очень часто доводили до слез. После каждого такого случая она все сильнее замыкалась в себе, всякий раз давая себе слово не говорить с другими о том, что ее волновало. Она всегда нарывалась на насмешку, а говорить с людьми об интересующем их Тина тоже не могла – тошнило ее от разговоров об урожае, зара-

---

¹ Инфор – компьютерный терминал, подключаемый к глобальной информационной сети планеты. Способен работать в режиме телевизора или видеофона. За дополнительную плату переключается в режим компьютера, имеющего доступ к оплаченной абонентом информации.

ботке и сексе. Особенно от разговоров о сексе. Девушка, к величайшему своему сожалению, выросла красивой и привлекала внимание крестьянских парней. По деревенскому обычаю в этом вопросе роль играла только физическая сила мужчины и его богатство. Мнение женщины в расчет не принималось. А Тине были противны бугаи, двух слов связать не умеющие.

Единственной отдушиной оставалось чтение. Несколько десятков своих драгоценных книжек девушка берегла как зеницу ока, ведь доступа в инфосеть у семьи Варинх не было, слишком дорого. Фермеры почти не пользовались инфосетью, ведь для отправки и получения редких писем имелось расположенное за три деревни отделение королевской почты. Тина даже не заикалась о том, чтобы приобрести доступ, – знала, что услышит в ответ.

Вот ей и приходилось довольствоваться книгами. В этих книгах рассказывалось об ином – иной жизни, иных мирах и великой любви, обо всем том, чего простая деревенская девушка никогда не видела и видеть не могла. По крайней мере, сама Тина ничего подобного не встречала, видя вокруг только грязь и пошлость. Она могла только мечтать о чистом и добром, четко осознавая, что так будет всегда. Жаль только, что у старика-учителя, оставившего ей свою небольшую библиотеку в наследство, оказалось так мало книг о звездах и других мирах. Такие книги позволяли отвлечься от реального мира, где ей было так неудобно...

Опять задумавшись, Тина не заметила, как закончила дойку. Слив молоко в бидоны, кликнула старшего брата, чтобы тот вынес их на взлетную площадку, откуда бидоны каждое утро забирал флаер-молоковоз. У Тины побаливала спина, но она не смела жаловаться, боясь нарваться на очередную колкость отца. В дом заходить не хотелось, и девушка снова засмотрелась на звезды, мечтая, как окажется там, как встретит тех, кто поймет ее, не станет говорить только о кошельке, брюхе и том, что ниже. Так хотелось, чтобы хоть один человек разделял ее мечты, ее мысли, но таких в деревне не было. Возможно, ее мечты – только романтические бредни, но думать так не хотелось, такие мысли убивали надежду.

Позади раздались незнакомо звучащие тяжелые мужские шаги, и Тина вздрогнула – года два назад на нее положил глаз бороваобразный Биред, один из самых сильных парней в деревне, и с тех пор не давал ей проходу. Тем более что он уже вдовствовал: первая жена умерла родами, принеся мертвого ребенка. Тина подозревала, что Биред бил несчастную женщину. Вот и избегала его изо всех сил. От ухажера воняло, он был толст и глуп, как дерево *диобу*, но силен, как буйвол. Как ни жаль, постоянно убегать не получалось, боров иногда загонял Тину в угол и принимался говорить всякие пошлости, заставляя корчиться от его смрадного дыхания. От одного воспоминания девушку едва не вывернуло. Но, слава Благим, это снова был Роум, ее старший брат, глуповатый, но безобидный и добрый парень. Он прихрамывал, поэтому, наверное, его шаги и звучали незнакомо.

– Тинка, – прогудел он, – ты куда опять подевалась? Отец уже весь на мыло изошел, *тама* тебя сватать пришли.

– Меня?! Сватать?! – в ужасе вскрикнула девушка. – Кто?!

– Тебе повезло, сам Биред. Он богатый.

Ужасная новость потрясла Тину настолько, что она едва не упала. Ведь отец не откажет сыну старосты... О Благие, да за что?! Только не это! Жить с этим ублюдком, терпеть его липкие прикосновения? Нет!!! Она залилась слезами, и Роум с сожалением посмотрел на сестру.

– Ты чего ревешь? – потупившись спросил парень. – Тебе ж счастье привалило!

– Он воняет... – едва смогла простонать девушка. – Меня от него тошнит...

– Во дура... – покрутил пальцем у виска брат. – Ты ж как сыр в масле кататься будешь. Он же богатый, у него даже флаер есть.

– Да плевать мне на его флаер... – провыла сквозь слезы Тина, садясь на землю. Ноги ее не держали.

Роум укоризненно покачал головой, подхватил сестру, как котенка, и повел, невзирая на слабое сопротивление, в дом. Там, за празднично накрытым столом, уже сидели нарядные

родители и Биред со своим отцом. На взгляд Тины, боров в хорошем костюме выглядел еще противнее, чем обычно, – пиджак топорщился на выпирающем пузе, галстук сбился. Сальная ухмылочка на выбритом круглом лице вызывала тошноту. Ужас нарастал в душе Тины подобно лавине, она понимала, что полностью во власти отца и тот может сделать с ней все, что только пожелает. И слезы здесь не помогут... Ее не любили в семье и будут только рады избавиться от обузы. Как же больно было девушке сознавать это! Но она не питала иллюзий относительно своего отца, слишком хорошо его знала.

– Ну вот, Тина, – довольно огладил усы глава семейства, – и тебе счастье выпало. Сватает тебя уважаемый староста Касит для сына своего, Биреда. Мы согласны. И приданое имеется, все как положено.

Он с тревогой посмотрел на непутевую дочь, которой вполне могло взбрести в голову отказать сыну старосты. Старый Варинх вообще не думал, что сам Биред может посватать такую неумеху и разгильдяйку, как его Тина, несмотря на всю ее красоту. Как говорили в народе: «Дура в небо пялится, ждет, что принц свалится». Как же, сейчас! Жизнь – штука суровая, тут не до шуток-прибауток! Все упирается в деньги, и ничего больше значения не имеет. Тина уже взрослая, и хватит ей дурью маяться... Мастер Варинх не собирался потакать романтическим бредням дочери, когда семье такое счастье выпало – с самим старостой породниться. Старик снова глянул на заплаканную Тину и раздраженно скривился – неужели она ничего не понимает?

– Так что, дочь? – спросил он.

– Я не пойду за этого вонючего козла! – взвизгнула она. – Не пойду!

– Пойдешь, – твердо сказал отец. – Я говорю – «да». Твоего мнения больше не спрашиваю, раз ты такая дура.

– Нет, умоляю тебя... – сквозь слезы простонала девушка. – Не губи, папа... Ну за что?.. На него же смотреть противно!

– Эт чо, на меня смотреть противно?! – взвился с места Биред.

– Да это глупости девичьи, все от радости, что такой уважаемый человек на нее внимание обратил, – засуетился мастер Варинх. – Никуда она не денется, не думайте...

– Я повешусь... – всхлипывая, выдавила из себя Тина. – Я жить не хочу...

– Заткнись! – Старик подхватился с места, поднял дочь и отвесил ей пару полновесных пощечин.

После этого девушка окончательно поняла, что ее не пощадят, что отец приносит ее в жертву ради выгодного родства со старостой. Она знала, что семье приходится нелегко, но никогда не думала, что именно ей суждена такая участь. Жить с вонючим боровом... Как же быть? Что делать? Не ясно. Но в одном Тина была уверена: ничего у отца не получится. Не удастся ему заставить ее подчиниться и выйти замуж за эту образину. Она убежит. А не сможет убежать – умрет! В любом случае проклятый Благими Биред не коснется ее тела! Никогда не коснется. И будь что будет. Если понадобится, она сможет даже покончить с собой. Губы Тины сжались, в глазах загорелась отчаянная решимость. Она упрямо посмотрела на отца, и старик со злостью понял, что дочь не сдастся. Он приказал Роуму увести и запереть девушку в ее комнате. Откуда им было знать, что она давно припрятала запасной ключ, чтобы ночами без помех любоваться звездами.

Теперь не время предаваться отчаянию. Девушка холодно и спокойно обдумала свое положение. Итак, у нее нет ни денег, ни документов – все заперто в отцовской комнате. Впрочем, немного денег все же имелось, но эти крохи могли помочь продержаться в городе два-три дня, не больше. Тина бывала там с отцом и помнила, какие в Таркине цены. Еще хуже, что нет документов, без них ее не возьмут ни на какую работу. Впрочем, есть работа, на которую могут взять, но при одной мысли о том, что придется отдавать свое тело за деньги, Тину едва не стошнило. Однако все равно нужно бежать, а там пусть будет что будет. Все лучше, чем стать женой

Биреда. Тут на память пришел запах драгоценного женишка, и ее все-таки вырвало. Сквозь дверь девушка слышала, как отец окончательно ударил по рукам со старостой, и сжала зубы.

– Никогда тебе этого не прощу, папочка! – против воли вырвались горькие слова. Теперь она понимала, что родные окончательно стали ей врагами. Что ж, они сами начали – война так война.

Прошло много часов, прежде чем в доме все затихли. Тина увязала свои жалкие пожитки в узелок и тихо отперла дверь припрятанным ключом. Тишина. Все спят. Она ехидно хихикнула – дорогой папочка и представить себе не может, что у его дочери хватит решимости сделать что-то, вместо того чтобы валяться у него в ногах, умолять и плакать. Да и хорошо, что не знает. На крыльце девушка остановилась попрощаться с домом, в котором выросла, и тихо всхлипнула. Не так она хотела покинуть «родное гнездо». Но жизнь не спрашивает у человека, чего бы ему хотелось, она просто идет и походя давит его. Что ж, раз так, лучше умереть, чем жить раздавленным. Тина стиснула зубы. Затем незаметной тенью скользнула через спящую деревню и быстрым шагом направилась к городу, стремясь до утра как можно дальше уйти от родного дома.

Она шла и тихо радовалась звездному небу, щебету ночных птиц – девушку всегда влекла тьма и ее загадки. На свету все так просто и однозначно, а в темноте самые знакомые вещи становились таинственными, несли в себе что-то новое и необычное, что-то такое, чего в них не было раньше. Почему священники Благих всегда пугали людей Тьмой, Тина понять не могла, как не могла понять и страха многих своих знакомых перед темнотой. Впрочем, это позади! И девушка счастливо рассмеялась. Впереди ее ждало неизвестное будущее, и, каким бы оно ни оказалось, она шла навстречу ему с открытыми глазами. Она не станет подчиняться глупым законам и правилам, не станет мириться с несправедливостью! Тина, конечно, понимала всю наивность своих мыслей, но не хотела портить себе настроение. Еще найдется время подумать о том, как теперь быть.

Несколько дней девушка шла по ночам, проводя дни в стогах сена. Город постепенно приближался, Тина уже видела кажущиеся сейчас поставленными вертикально спичками высотные ретрансляционные башни инфосети и жаждала поскорее добраться до места. Может, все-таки возьмут на какую-нибудь работу, она ведь работы не боится, согласна и стирать, и полы мыть, только бы выжить. Она верила в свою звезду. Ела то, что находила в лесу, через который шла дорога. Собирала грибы, поджаривала их на костре, а уж для ягод *савиа* наступил самый сезон, ими можно было объесться, столько их уродилось в этот год. Еще какая-то пара дней – и город! Скорее бы...

Впереди показалась большая деревня, в несколько раз больше Стояного Лога. Тина подошла к окраине и улыбнулась – какие-то девушки весело пели у костра на окраине, совсем как дома. Наверное, ночные посиделки устроили, сама не раз на таких бывала. Потянуло вкусным духом печеных клубней *равда*, и у нее потекли слюнки. Мысленно Тина нарисовала себе крупные, рассыпчатые, пышущие жаром клубни, похожие на картофель, почувствовала во рту их чудесный вкус.

Некоторое время она не решалась подойти, но, подумав, что здесь могут находиться только обычные деревенские ребята, направилась к костру. Около него сидело около десятка парней и четыре девушки, выглядящие почему-то совсем не по-деревенски. Не красятся деревенские девушки столь вульгарно и вызывающе, да и мужские штаны вряд ли натянут – неприлично.

– О, а это у нас тут кто? – обернулся один из парней.

– Здравствуйте! – неуверенно улыбнулась девушка, ощутив холодок страха и укорив себя за то, что решилась подойти. – Меня Тиной зовут.

– А ты откель взялась? – спросил здоровенный белобрысый увалень.

– Из Стояного Лога, там, на севере, – махнула она рукой. – В город иду.

– А чего ночью-то?

– Так нежарко зато.

Тина не обратила внимания, что несколько парней ухмыльнулись и стали перемигиваться. Она присела у костра и с удовольствием откусила кусок от протянутого ей поджаристого клубня. Ягоды за пять дней все-таки порядочно надоели, и сытная еда заставила желудок буквально сжиматься от нетерпения. Кто-то сунул ей в руку стакан, и Тина, не задумываясь, отхлебнула. И задохнулась – чистый спирт. Пока она кашляла, парни ржали над нехитрой шуткой. Переведя дух, девушка укоризненно посмотрела на белобрысого увальня, и тот, ухмыляясь во весь рот, развел руками. Тина быстро доела клубень и, улыбнувшись, стала прощаться.

– А поиграться? – ехидным голосом протянул кто-то.

– Поиграться? – растерянно переспросила она, не понимая, во что можно играть ночью.

Остальные девушки, как-то странно, нехорошо ухмыляясь, разом встали и скрылись в темноте, оставив Тину наедине с парнями.

– Ага, в чмок-чмок! – заржал прыщавый юнец, и все остальные тоже рассмеялись, окружая ее.

Тина растерянно посмотрела на так не понравившегося ей белобрысого увальня и вздрогнула – усмешка на лице парня была настолько омерзительной, что девушке захотелось зажмуриться. «Что им от меня нужно?» – промелькнуло в голове. Вдруг отблеск костра высветил сваленные в стороне эйки², при виде которых до Тины начало доходить, что перед ней не простые деревенские парни, а стая эйкеров³. В голове промелькнули страшные рассказы о том, что эти звери делали с девушками, и только теперь в ее душе появился страх. Они хотят ее... Нет, не может быть... Увальень встал, еще гнуснее ухмыльнулся и вдруг спустил штаны, доставая свой... Свой... Нет!

– Нет! – отшатнулась девушка.

– Куда же ты, красотка? – насмешливо спросил эйкер. – А чмок-чмок?

– Что вам от меня нужно? – заплакала Тина.

– А то ты не понимаешь! – заржал кто-то. – Становись на коленки и сделай губки трубочкой.

– Не-ет! – закричала Тина.

Но тут сильные руки подонков схватили ее, бросили на колени, резкие удары по ушам заставили открыть рот и... Начался ужас, который не мог привидеться Тине и в самом страшном из кошмаров. Кто-то сорвал с нее юбку, трусы и пристроился сзади. Резкая боль ожгла девушку, и она отчаянно завизжала, умоляя не делать этого с ней. Но никто не слушал ни ее просьб, ни ее плача...

– О, да мы целочки! – заорал насилующий девушку ублюдок.

Случившееся позже Тина воспринимала с трудом, она уже не сопротивлялась, покорно делая все, что ей приказывали. Сознание было как в тумане, ужас и боль рвались из каждой жилки. Только одна мысль билась в голове: «Почему я?! Как они могут так с живым человеком?!» Боль и горечь застилали глаза, она никак не могла понять, за что Благие обрекли ее на эту пытку. Неужели она должна была покорно выйти замуж за проклятого Биреда? Хорошо, что Тина не запомнила всего сделанного с ней эйкерами, но даже без этих воспоминаний собственное тело еще много лет было противно ей самой. У нее силой отобрали то, что можно отдать только любимому, и девушка хотела умереть.

– Убейте уж... – шептали разбитые губы, но эйкеры продолжали издеваться.

---

² Эйки – летающие подобию мотоциклов.

³ Эйкеры – распространенные на Нахрате молодежные банды, несколько напоминающие земных байкеров, но куда более жестокие. Ареал распространения – вне крупных городов, где эйкеры быстро отлавливала полиция.

А потом вдруг адская боль разогнала затененность сознания. Раньше Тина и представить не могла, что настолько страшная боль может существовать. Эйкеры облили свою жертву топливом и подожгли.

Тина не погибла... Ее страшные крики слышали крестьяне из недалекой деревни и побежали выяснять, что происходит. Эйкеры вскочили на свои эйки и унеслись, а пришедшие в ужас крестьяне сбили огонь и вызвали «Скорую помощь». Всего этого Тина уже не видела, сознание милостиво покинуло ее.

Первым, что она увидела, открыв глаза, оказалось черное от горя лицо отца, с надеждой смотревшего на нее. Тина сперва не поняла, что это с ним, только подосадовала, что ее все-таки поймали. Но тут память о случившемся обрушилась на нее, и девушка забилась в ужасе. Отец кинулся куда-то с криками: «Врача! Где врач?!» Потом ей сделали укол и она уснула. А когда Тина снова открыла глаза, в них была пустота. Что-то умерло в ней – и умерло навсегда, ее не волновало больше ничего.

Врачи пытались вывести девушку из этого состояния, но безуспешно: Тина не желала ни с кем разговаривать. Физически она была здорова, лечение попавшей в беду девушки оплатил местный лорд, ей даже пересадили клонированную кожу. Родители Тины молили Благих благословить лорда за его милосердие, сами они никогда не набрали бы денег на такое лечение. Но вот психика пострадавшей так и не пришла в норму, она по-прежнему никого не замечала и ничего не хотела. Месяца через два отец увез продолжавшую молчать дочь домой, поняв, что в больнице ей больше ничем не помогут. Действительно, знакомая с детства обстановка сыграла свою роль, и еще через несколько месяцев Тина заговорила.

Но куда девалась беззаботная мечтательная дурочка, хотевшая странного? Ее не стало. Нынешняя Тина односложно отвечала на вопросы, сама не интересовалась ничем и никем, даже ела, только если ее сажали за стол. А если нет, безучастно сидела голодной. Отцу с матерью было до слез жаль ее, но чем еще можно помочь, они не знали. Еще через месяц мастер Варинх позвал Тину, решив все-таки попытаться серьезно поговорить с дочерью.

– Да, папа? – подняла глаза девушка, услышав голос отца.

– Теперь-то ты видишь, доченька, чего ты добилась своим побегом? – со слезами в глазах спросил старик. – Зачем же?

– Мне был противен Биред, – безразлично ответила Тина.

– Был? А теперь?

– Теперь все равно.

– Ой, дурочка! – схватился за голову отец. – Да он и такой готов тебя взять! Ни о ком, кроме тебя, даже слышать не хочет! Он же тебя любит, пойми ты, глупая!

– Хочет – пусть берет, – спокойно сказала Тина, глядя куда-то в стену. – Мне все равно. После этих и он чистым покажется...

Она задрожала крупной дрожью, в глазах снова появился так пугавший измученного отца бездонный ужас. Врачи предупреждали мастера Варинха, что за девочкой нужно внимательно следить, что она в таком состоянии может попытаться наложить на себя руки. И ее ни на минуту не оставляли без присмотра. Но Тина по-прежнему не проявляла интереса ни к чему. Тогда отец с матерью все же решились позволить Биреду встретиться с ней, по наивности полагая, что любящий мужчина сможет вывести их дочь из этого жуткого состояния. Девушка совершенно спокойно, без отвращения поговорила с осунувшимся парнем, согласилась стать его женой, но ее голос был настолько безразличным, словно это не имело для нее никакого значения. Решившись на крайние меры, старый Варинх махнул рукой и согласился на свадьбу.

Тина безучастно подчинялась и выполняла все, о чем ее просили, но ничего не появлялось в ее глазах, ровным счетом ничего. Все такой же равнодушной девушка шла с будущим мужем под венец, только две-три слезинки скатились по щекам. Сама она была не здесь – она

всеми силами души стремилась ввысь, к звездам. А то, что происходило внизу, с ее телом, уже не имело значения – пусть делают с ним все, что им угодно. Только бы поскорее уйти. Здесь все чужое, принадлежащее им, ей здесь места нет. Но когда Тина с Биредом шли от алтаря, став мужем и женой, какие-то слова вдруг привлекли внимание. Староста говорил с ее отцом. Девушка остановилась и прислушалась.

– Знаете, свояк, – говорил староста новоиспеченному родственнику, – мне сообщили странную новость.

– А что такое? – с удивлением спросил мастер Варинх.

– Высочайшим повелением по Скоплению Парг приказано упрятать под замок всех «странных». А кто это такие – «странные» – не сказано. Над нашим миром будто бы корабли каких-то аарн. Хотел бы я еще знать, что оно такое – аарн...

«Аарн! – молнией вспыхнуло странное имя в мозгу Тины. – Аарн...»

Это было слово не отсюда, это было слово из мечты, из прекрасной легенды о звездах. Это была сказка, невозможная сказка. И впервые за последние полгода на губах девушки появилась горькая улыбка. Мастер Варинх заметил это и с надеждой посмотрел на нее – неужели дочь наконец оживает? А она вспоминала когда-то потрясшую воображение легенду о звездных странниках, берущих с собой тех, кто способен отринуть обыденное, способен мечтать не о материальном благополучии и власти, а о чем-то куда большем. Тех, кто странный, кто не такой, как все, кто больше жизни жаждет неизведанного. Как жаль, что это только сказка...

Несколько слезинок скатилось по щекам, и молодой муж принялся обещать, что будет носить жену на руках, приняв ее слезы на свой счет. Но он ошибался: Тина прощалась с мечтой, с недостижимым. С тем, что прекрасно и делает душу добрее и чище. С тем, что помогает справиться с этой жизнью – жизнью, в которой нет ничего, кроме боли и отчаяния, горя и ненависти. Девушка твердо знала, что недолго проживет – тоска и безнадежность убивают так же верно, как петля или яд. Только медленнее и куда болезненнее. А Тина уже умирала, просто этого пока еще никто не видел. Она снова криво усмехнулась, вытерла слезы рукавом свадебного платья и пошла рядом со счастливым Биредом.

Но вдруг что-то произошло, что-то такое, что кажется невозможным, пока ты сам не столкнешься с ним. Небо пошло радужными волнами, на нем возникли быстро сменявшие друг друга три древних символа – символ любви, символ мечты и символ надежды. И сверху грянул голос, наполненный верой и любовью, силой и одухотворенностью:

– Слушайте нас, люди! Это аарн говорят с вами. К вам мы обращаемся, «странные» и «не такие», те, кого травят и над кем смеются! Мы пришли за вами, непохожие на других. Мы зовем вас с нами, мы даем вам надежду, что не все вокруг хотят только жрать и насиловать друг друга! Мы тоже хотим странного. У вас, сходящих с ума от одиночества, есть братья и сестры, так идите же к нам, стремящиеся к невероятному. Мы ждем и любим вас! Кто хочет познать Свет, Тьму⁴ и Звездный Ветер – мы зовем вас с собой, дети бури. Скажите три слова: «Аарн ил Аарн», и вас услышат. Но не пытайтесь вы, обычные, притвориться «странными» – ничего у вас не выйдет. Только жаждущий серебряного ветра звезд больше жизни становится аарн.

Воцарилось потрясенное молчание. Все жители Стояного Лога, открыв рты, смотрели на пылающее небо. Никто не увидел, что на лице невесты впервые за много месяцев появилось живое выражение – надежда. Она боялась поверить, но не могла не рискнуть. Неужели она не

---

⁴ Во многих мирах считается, что взаимоотношения между Светом и Тьмой исчерпываются борьбой между ними. Аарн знают, что эти великие силы, сливаясь воедино, дополняют друг друга. Свет, Тьма, как и Равновесие, – всего лишь части единого целого. Не зря их называют первозданными. Один Свет сожжет все вокруг, одна Тьма погубит, а Равновесие приведет в стазис. Только действуя вместе, великие силы способны творить. Только их совмещение в душе разумного делает его способным на большее, чем добывать себе блага и совокупляться.

одна такая? Неужели есть еще жаждущие ветра? Жаждущие бури? Значит, есть! Тина рассмеялась недобрым смехом, срывая с себя побрякушки с фатой, и подняла голову и руки вверх.

– Арн ил Аарн! – взвился к небу отчаянный, молящий девичий крик.

– Дочка, да ты что?! – кинулся к ней старый Варинх, пытаясь удержать, но не успел.

Тело Тины окуталось каким-то светящимся силовым полем, и отца отшвырнуло в сторону. Переливчатый звон повис над остолбеневшими людьми, и прямо перед ними распахнулись окнами Тьмы мало кем виденные гиперпространственные порталы. Оттуда вырвались несколько десантников в черно-алых зеркальных скафандрах высшей защиты и мгновенно отгородили Тину от ошеломленных крестьян. Вслед за ними вышла ослепительно красивая женщина, одетая, как высшая аристократка. Впрочем, высших аристократов никто из присутствующих никогда не видел, но то, что одно только короткое платье женщины стоило больше всей деревни, люди поняли сразу. Она, не обратив никакого внимания на сбившихся в кучу крестьян, с сияющей улыбкой подошла к застывшей, плачущей слезами надежды Тине, обняла и поцеловала ошеломленную девушку. А та не верила своим глазам...

– Ты прошла Испытание, сестра! Ты всем нам сестра отныне. Серебряный ветер звезд ждет тебя, девочка. Пойдем. Тебя ждут те, кто любит и понимает тебя.

«Неужели?! – заметались в голове Тины суматошные мысли. – Неужели сказки иногда сбываются? Неужели?! Ветер звезд... Она сказала, что меня ждет серебряный ветер звезд... О Благие! Слава вам вовеки!»

Девушка отчаянно зарыдала, уткнувшись в плечо ласково улыбающейся ей аристократки, сквозь всхлипывания прорывались какие-то отрывистые слова, она рассказывала о том, что с ней сотворили, а женщина молча гладила ее по голове, грустно смотря вдаль.

– Успокойся, сестренка, – негромко сказала она, но жадно вслушивающийся отец Тины все-таки уловил почти неслышные слова. – Никто и никогда больше тебя не обидит и не заставит делать что-либо против твоей воли. Никто и никогда не смеет обидеть аарн! Виновного найдут, куда бы он ни спрятался. С этой минуты ты среди своих, среди хотящих странного, того, что недоступно пониманию пашу⁵. Идем, нас ждет Мастер.

Тина, счастливо улыбаясь, кивнула ей, и аристократка повела девушку к воронке гиперпространственного перехода. Молодой муж с воплем кинулся вслед за женой, но кто-то из десантников с легкостью отшвырнул огромную тушу Биреда. Крестьяне замерли, а мастер Варинх протянул руки и со слезами простонал:

– Доченька...

– Прости, папа! – повернулась к нему Тина. – Но я не могу жить так, как живете вы. Пойми, мне нужно иное! Не то, что вам... Я сообщу о себе, поверь. Я люблю вас всех, но остаться здесь для меня – значит умереть. Прощай...

И она с решимостью отчаяния, боясь передумать – слишком больно было видеть слезы отца, – скрылась в пылающем черным огнем переходе. Женщина-аарн повернулась к мастеру Варинху, коротко поклонилась и сказала:

– Спасибо за такую дочь. Вы даже не представляете, кем и чем станет эта девочка. Перед ней теперь открыта любая дорога.

Женщина тоже исчезла в переходе, вслед за ней скрылись десантники, и разрыв в пространстве с глухим звуком схлопнулся. Ошеломленные люди долго еще стояли молча, не решаясь сказать ни слова. Разом постаревший мастер Варинх растерянно смотрел на место, с кото-

---

⁵ Пашу – термин из санскрита, обозначающий людей простых желаний, не стремящихся к духовному росту. Часто аарн употребляют этот термин в более узком значении. В этом значении пашу есть разумное существо, не только не стремящееся к духовному росту, не только желающее материальных благ и власти, но и выжигшее из своей души заложенное Творцом понимание того, что «другому тоже больно», а потому способное намеренно причинять боль другим и получать от этого удовольствие.

рого исчезла его странная, неведомо чего желавшая дочь. Ну зачем, скажите на милость, ей сдались эти проклятые Благими звезды? Непонятная дочь... Непонятная, но такая любимая...

Из глаз старого человека медленно капали слезы.

* * *

Кранги неслись так, что отряд рыцарей казался ватагой призраков, настолько быстро он мелькал мимо деревьев. Случайно оказавшиеся на тракте повозки смердов и купцов поспешно сворачивали на обочину, испуганно осеняя себя знаком святого Древа. Многие провожали воинов герцога взглядами, пытаясь понять, куда спешит второй из полководцев герцогства и какие новые беды это сулит населению края. Сам Дерек Р'Фери! Молодой граф *Тха-Горанга*, покоритель кургских ханов, принесших ему после поражения клятву личной верности. Не узнать двух схватившихся в отчаянном бою зверей *Р'о* на полощущемся над отрядом стяге было невозможно. Герб рода Р'Фери многие столетия внушал ужас врагам Гарланской империи, прапрадед нынешнего старого графа даже недолгое время сидел на троне, но не сумел удержать власть.

Дерек вонзил шпоры в бока кранга и выругался сквозь зубы. Верный зверь недоуменно покосился на хозяина и обиженно заревел, не понимая, за что его наказывают. Граф успокаивающе похлопал животное по шее, извиняясь за то, что сорвал на нем свое раздражение. Приказ, отданный герцогом, был однозначен, и этот приказ следовало исполнить. Даже если исполнителя корежит. В эту минуту верный вассал желал своему сюзерену сдохнуть, как подзаборному псу. Но не подчиниться приказу не позволяла честь, не раз проклятая им самим. Единственное, что еще удерживало графа от решения сложить с себя присягу, – это воспоминание, что когда-то его господин был иным, и именно тому, иному, в свое время отдал свою верность тогда еще юный наследник древнего рода. Тогда его господин был благороден, и никто не проклинал его имя на всех перекрестках, тогда Херед Р'Тари еще не стал чудовищем.

Дерек не понимал, как может настолько измениться человек, хотя уже годы и годы пытался как-то объяснить самому себе это страшное превращение. Неужели власть столь губительно сказывается на людях? Но ведь не на всех! Почему другие герцоги не творят того, что творит его сюзерен? Почему они не рвут друг другу глотки, лишь только запахнет малейшей выгодой? Но ведь не рвут же... А если и рвут, то не так страшно и жестоко, как герцог Р'Тари. О да, владения сюзерена Дерек растут как на дрожжах, но какой ценой!

Перед внутренним взором графа вереницей потянулись лица отравленных, убитых, преданных его господином. А уж что тот творил с девушками и молодыми женщинами – дочерьми, сестрами и женами бывших соседей... Несколько раз Дерек видел страшно изуродованные трупы несчастных, под покровом ночи выносимые из покоев герцога. И снова вспоминал романтического, влюбленного и благородного юношу, каким этот зверь был всего лишь пятнадцать лет назад. Вспоминал и пытался понять, почему Херед Р'Тари изменился, почему он стал зверем, который испытывает наслаждение, подвергая людей изощреннейшим пыткам.

Дерек сжал зубы и снова пришпорил кранга – беглецы не могли уйти далеко. В конце концов, какое ему дело до какой-то там девчонки? Пусть герцог делает с ней все, что сочтет нужным. А он сам... Да будь оно все проклято!.. Будь она проклята, эта присяга!

Низко висящие ветви деревьев хлестали по лицу, но Дени не замечал этого, как не замечал и стекающих по лицу слез. Губы шептали почти неслышную молитву Созидающему. Он то и дело оглядывался, страшно боясь увидеть позади тучу пыли. Пока погони еще не видно, но юноша не питал иллюзий – господин не мог оставить безнаказанным такое преступление, как похищение личной пленницы прямо из его покоев. Погоня, конечно, уже где-то близко, а его кранг почти загнан. Несчастный зверь пробежит разве что с десяток-другой миль, никак

не больше. А до владений любого врага герцога Р'Тари, где можно попросить убежища, еще около двухсот. Что ж, по крайней мере, он умрет с честью.

– Спасибо вам, господин Р'Лори... – почти неслышный девичий голосок из-за спины заставил юношу сжаться в седле и зажмуриться. – Если бы не вы... Моя сестра... Он бы и со мной...

– Молчите, прошу вас, госпожа! – Голос пажа дрожал, а перед глазами вставали картины казней предателей, только на месте жертвы Дени на сей раз видел себя самого. – Нам нужно куда-нибудь спрятаться. Я уверен, что герцог выслал погоню. Если мы не успеем пересечь границу и попросить защиты у другого герцога до того, как нас настигнут, то...

– Умоляю вас, убейте меня! Только не отдавайте в его руки! – Ужас, звучавший в ее голосе, был таков, что Дени содрогнулся. Что она видела? Какому кошмару подверг эту совсем еще юную девочку господин Р'Тари? Она ведь всего четверть светлого дня пробыла в его покоях, а успела стать полностью седой... Как еще с ума не сошла? Седая девочка!..

Впрочем, она права. Если они попадутся, то лучше покончить с собой, чем положиться на «милость» герцога. Милость... Как же, способен этот зверь на милость! О Созидающий, ведь каких-то полгода назад Дени так гордился, что его приняли пажом к самому повелителю края. Сколько было надежд и мечтаний... Мало кому из обедневших родов так везло: герцог не любил старую аристократию, сильно не любил. Скольких аристократов обвинили в измене и казнили... Дени снова вспомнил некоторые из виденных им во время службы казней и задрожал. Но мог ли он поступить иначе? Юноша прикусил губу и отрицательно покачал головой. Нет, если хотел сохранить хоть последние капли самоуважения и чести. Да-да, именно последние капли. Давно нужно было бежать от герцога, как от Зверя Ада, каковым, впрочем, тот скорее всего и являлся.

Перед глазами в который раз встало позавчерашнее утро, и Дени едва сдержал стон. Герцог, как видно, посчитал, что новый паж ко всему привык и пора повязать его кровью. Юноша дежурил у дверей пыточной во внутренних покоях господина, куда тот до сих пор не пускал новичка. Когда герцог позвал его и приказал принести вина, Дени со всех ног бросился в ледник и вскоре, с двумя запотевшими бутылками на подносе, снова стоял у двери пыточной. А потом вошел... Созидающий! Как же ты допускаешь такое в мире твоём?! Почему попустишь творящим такое?! Почему, милосердный?!

До смерти, наверное, ему не забыть увиденное в пыточной. Человеческие черепа, развешанные на стенах. Десятки черепов. Огромное количество пугающих приспособлений, о назначении которых нетрудно догадаться. Особенно если вспомнить слышанные раньше наполненные нечеловеческой мукой вопли. И кровь, заливавшая пол и стены вокруг. Потом взгляд Дени упал на изломанное нечто, похожее на ободранного тельца на бойне. Вот только у этого нечто оказалась человеческая голова, голова девушки с вырванными глазами. А у стены напротив входа он увидел еще одну, совсем седую девушку, подвешенную за руки и испещренную кровавыми рубцами. Странно, но Дени не вырвало, он не потерял сознания. Возможно, это был шок, кто знает...

Герцог внимательно посмотрел на пажа и одобрительно усмехнулся, увидев, что у юноши только расширились глаза. Ему явно понравилось, что тот не боится крови. Затем повелитель края схватил с подноса бутылку и прямо из горлышка жадно в пять глотков выпил ледяное вино.

– Эту сучку оттащишь в подвальные камеры! Отвечаешь за нее головой! – Наполненный холодным презрением голос с трудом прорвался в омертвевшее от ужаса сознание Дени. – Если хочешь, можешь попользоваться. Но чтобы осталась жива! Я с этой маленькой дрянью еще не закончил.

Герцог хрипло расхохотался, отшвырнул опустевшую бутылку, вытер руки об окровавленную рубашку и вышел. А юноша, стараясь не глядеть на стол, на котором лежало крова-

вое нечто, остался один на один с седой девушкой. Тут его наконец-то вырвало, и это, как ни странно, принесло некоторое облегчение. Что-то поднялось изнутри, что-то, чему Дени по неопытности и названия-то подобрать не сумел. Но паж принял решение – решение отступить от господина, способного сотворить такое с беззащитными. Странная это была решимость: юноша твердо знал, что умрет, но иначе поступить все равно не мог, родившийся в нем только что человек не давал поступить иначе, и собственная жизнь больше не имела никакого значения. Дени влез на стол и отвязал девушку, с ужасом смотрящую на него. Созидающий, она принимает его за пособника палача... Юноша сам не замечал, что по его лицу текут слезы. Девушка рухнула на пол, жалобно заскулила и попыталась отползти от него.

– Не бойтесь меня, госпожа... – едва выдавил из себя паж. – Я не причиню вам зла.

– Убейте меня, умоляю вас... – почти неслышно прошелестело несчастное существо. – Пожалуйста, убейте... Я не могу больше...

– Я постараюсь спасти вас... – Дени трясло, он яростно растирал слезы по лицу. – Если не смогу, то исполню вашу просьбу. Я не знал... поверьте, не знал...

Но на разговоры времени не осталось. Единственным выходом было как-то добраться до конюшни и попытаться украсть кранга. Но как потом выбраться из замка? Ворота заперты днем и ночью, герцог вполне обоснованно опасается покушений на свою драгоценную жизнь. Кто позволит пажу увезти девушку без разрешения господина? Никто не позволит. Полубезумным взором Дени окинул пыточную, и его глаза расширились. На столике у стены валялся небрежно брошенный герцогом медальон, который он вручал доверенным вассалам, когда посылал их со срочными поручениями. Являясь пажом, Дени не раз видел процедуру передачи медальона и не мог спутать его ни с каким иным.

«А вдруг это проверка? – мелькнула на краю сознания мысль. – С герцога станется...»

Но Дени сразу одернул себя – чем бы это ни оказалось, служить зверю он больше не намерен. Даже если его сию минуту казнят самой лютой смертью. Но вряд ли это проверка: уже годы и годы никто не решается слова сказать против герцога, и тот привык к полному подчинению всех вокруг. Дени сжал зубы и снова повернулся к пленнице, с отчаянной надеждой смотрящей на него.

– Поверьте мне, госпожа... – почти неслышно сказал он. – Мне кажется, что я нашел возможность спастись самому и спасти вас. Но умоляю вас, молчите, что бы ни случилось. А если не выйдет, то я успею быстро убить вас кинжалом.

– Благодарю вас, господин мой... – Глаза седой девушки наполнились слезами. – Я – Кера Р'Мори, старшая дочь барона Р'Мори. На столе – моя младшая сестра... Ей всего двенадцать было...

И залилась слезами. Дени закусил губу, кивнул и назвал свое имя. Потом взял медальон, и в его глазах что-то зажглось. Что-то очень и очень опасное. С этого момента он был готов на все, сознавая, что его ведут силы Света, а может быть, Тьмы... Кто знает... Он повесил себе на шею медальон герцога, минуту постоял, вытер слезы с глаз и быстро вышел из пыточной.

– Эй, вы, двое! – окликнул он стоящих у выхода из коридора стражников. – Сюда и быстро!

– Тебе чего надо, паженок? – с пренебрежением отозвался старый сержант. – Не видишь, что ли, – мы на посту.

– Мне нужна помощь, и вы мне ее окажете, – спокойно ответил Дени.

– Да пошел ты!

Юноша зло оскалился и сунул стражнику под нос медальон. Глаза сержанта расширились, и он коротко поклонился. Второй стражник замер на месте, с изумлением вытаращившись на пажа.

– За мной! – скомандовал Дени.

Стражники покорно потрусили следом, боясь рассердить обладателя медальона. Ведь паж сейчас имеет право отдать приказ казнить любого, и никто не решится с ним спорить. Пока медальон у мальчишки, он – голос их сюзерена.

Переступив порог пыточной, стражники онемели. Хотя оба были привычны к виду крови, но одно дело – на поле боя, а совсем другое – так вот... для развлечения. Но обсуждать деяния повелителя в замке Ард Каронг не решался ни один человек. Хотя многие и многие бежали из проклятого замка куда глаза глядят. Кого-то из беглецов ловили и казнили в назидание другим, кому-то удавалось скрыться от мести бывшего хозяина. А оставшиеся... Оставшиеся из страха закрывали на все глаза и продолжали служить чудовищу, в которое давно превратился герцог.

Но кое-кто действительно не знал о кровавых развлечениях своего повелителя, тот тщательно скрывал их, прекрасно понимая, что если правда дойдет до императора, то за жизнь палача никто не даст и ломаного гроша. Привыкнув подчиняться приказам, стражники покорно пошли за пажем, в руках которого был медальон господина, и теперь соляными столбами застыли в дверях. Они полагали, что готовы ко всему, но то, что открылось перед ними сейчас, не могло привидеться даже в самом кошмарном сне. Дени услышал позади сдавленное мычание и знакомые звуки – стражников рвало. Он спокойно дождался, пока они опомнятся, и приказал:

– Эту седую отнести на конюшню. Господин приказал отправить ее в замок Дарак Каронг.

Старший из воинов внимательно посмотрел на пажа – такой приказ никак не мог исходить от герцога. Из этой комнаты пленники попадали только в подземелье или на кладбище. И вряд ли могло быть иначе. Сержант и раньше не раз вздрагивал от страшных, полных нечеловеческой муки воплей, доносившихся к нему из-за закрытых дверей пыточной. Подозревал многое. Но вот увидеть... Он снова перевел взгляд на стол, на котором лежало изломанное тело несчастной. Голову палач почему-то почти не тронул, и лицо девочки удивительно походило на лицо тринадцатилетней дочери сержанта. Он закрыл глаза, и страшная картина предстала в воображении: на столе не неизвестная девочка, а его дочь... О Созидающий! Да что сделал их господину несчастный ребенок?! За что с дитем-то так?

Сержант открыл глаза и внимательно посмотрел на пажа, ожидавшего ответа. Мальчишка напряжен, рука лежит на рукояти кинжала. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – паженок чего-то смертельно боится, но старается не показать свой страх. Ясно, ничего господин ему не приказывал... Мальчик пытается спасти эту седую девочку. Выдать его? И обречь это поседевшее от боли и ужаса дитя на страшную смерть? Или? Никогда до сих пор воину не приходилось делать такого выбора. Но старый сержант его сделал.

– Я возьму девочку, парень, – кивнул он и повернулся к молодому сослуживцу, который, не стесняясь, плакал: – А ты, Сол, приведи сюда по очереди всех наших, особенно тех, у кого есть дети. Тера, Нерга и Сариды обязательно. У них дочери. Пусть поглядят, кому мы служим... Только остерегайся шавок капитана.

И почти неслышно добавил, снова обращаясь к Дени:

– Ты человек, паж.

После чего поднял на руки трясущуюся девушку и понес к двери. Юноша как-то догадался, что стражник все понял, но не стал его выдавать. Почему? Непонятно, но нужно быть благодарным Созидающему за любой дар. Неужели сержанта тоже потрясло увиденное? Кто его знает... Дени только боялся, что воин, добравшись до других постов, все равно выдаст. Но этого не случилось. Сержант сам говорил со стражниками, и Дени оставалось только демонстрировать зажатый в кулаке медальон герцога. Воины молча салютовали алебардами и пропускать их. Даже в конюшне юноше не пришлось ничего делать. Сержант сам подобрал им крангов, оседлал и проследил, чтобы седельные сумки наполнили продовольствием и флягами с водой, помог привязать к седлу девушку, ступни которой были настолько искалечены, что

она не могла ходить. Дени не успел опомниться, как ворота замка распахнулись перед ним. Сержант на прощание молча хлопнул пажа по плечу и скрылся в воротах замка.

А потом были сутки страшной гонки. Дени гнал несчастных зверей, пока один из крангов не пал. Хочешь – не хочешь, но пришлось останавливаться. На счастье, удалось обменять почти загнанного кранга на ближайшей почтовой станции, показав медальон. Прошло еще полдня, и этот тоже оказался почти загнан и едва плелся, хрипя и роняя клочья пены. Юноша всеми фибрами души ощущал, что погоня совсем близко. А до границы больше двухсот миль.

Он на ходу развернул данную сержантом карту и принялся внимательно изучать ее. Уже понятно, что кранг вот-вот падет и нужно попытаться спрятаться. Вот оно! Где-то неподалеку отсюда съезд на тропу, ведущую к Злому Перевалу, где обитали горные племена. Уже лет триста их пытались покорить, но горцы умело обороняли узкие перевалы, и никому из прежних герцогов так и не удалось ничего с ними сделать. До перевала совсем близко, каких-то тридцать миль.

Дени с тоской оглянулся на горы, покрытые лесом, и тихо вздохнул. Если бы кранг был свеж, они бы добрались за полдня, не больше. Но что толку вздыхать о несбыточном? Нужно попытаться сделать хоть что-то с тем, что есть в наличии. Отец всегда учил юношу сражаться до последнего и никогда, ни при каких обстоятельствах не сдаваться. Дени и не собирался. Потому, когда впереди появилась тропа, уводящая с дороги в покрытые лесом горы, заставил кранга свернуть на нее. Животное хрипело, но шло, словно понимая, что останавливаться нельзя. А когда бедный зверь пал, Дени молча взвалил на спину плачущую девушку и с трудом поплелся в самую чащу. Он взял с собой только флягу с водой и меч. Да, против опытного воина он не продержится и минуты, но это уже не имело никакого значения. Главное – успеть заколоть Керу, она не должна попасть в руки герцога живой.

– Мой господин! – отвлек Дерек от размышлений голос одного из проводников. – Они свернули с дороги. Чуть выше, около мили отсюда.

– Так вперед, Разрушающий вас задери! – рявкнул граф.

Он не понимал, на что надеялся мальчишка. Украсть жертву прямо из пыточной, да еще так нагло? Похитив медальон господина? Ярость герцога была такой, что каждый в замке вздрагивал, услышав его бешеный рев. Повелитель края разослал во все стороны десятки отрядов с приказом доставить беглецов. Живыми. Только живыми! Представив себе, что ожидало бедняг в этом случае, Дерек почти неслышно выругался сквозь зубы. Надо же, какое невезение, именно его отряд наткнулся на след беглого пажа. Жаль глупого мальчишку: герцог теперь не только его самого, но и всю семью бунтаря казнит. Похоже, и для самого Дерек придется время выбирать... Сохранить свою честь и стать нелюдью или отказаться от чести, превратиться в изгоя, за которым станет охотиться каждый, но остаться человеком. Граф снова выругался – очень не хотелось делать такой выбор, но оставаться верным вассалом он больше не мог. Снова вспомнилось, что сотворил его господин с двенадцатилетней девочкой, дочерью несчастного барона Р'Мори. Допустим, барон провинился перед герцогом. Допустим, виновного нужно казнить, чтобы другим неповадно было. Но девочка-то чем виновата? Скорее всего его господин просто получал удовольствие от чужой боли и смерти. Как названы подобные ему чудовища в священной книге Созидающего? Кажется, Дети Зверя... А кто тогда он сам, Дерек из рода Фери, раз служит одному из таких?

– Мой лорд! Там труп кранга!

Дерек мрачно кивнул и подъехал посмотреть. Да, бедный зверь, загнал его паж. Чему, впрочем, удивляться – шкуру спасал.

«Не лги хоть себе, – насмешливо отозвался внутренний голос. – Он спасал ту несчастную девочку...»

Граф снова сжал кулаки и мысленно выругался. Потом коротко окинул взглядом свой отряд. Три рыцаря, если эту сволочь можно назвать рыцарями. Видал он, как эти трое развлекались в захваченных деревнях. Достойны своего сюзерена. И десятка два незнакомых стражников. Проклятье, и почему здесь не его собственный отряд? Тогда можно было бы тайно вывезти мальчишку за пределы владений герцога, а там уж пусть тот делает все, что ему угодно. Но увы! Вспомнив приготовления, сделанные палачами замка во дворе, Дерек содрогнулся. Страшную смерть мальчику уготовил его светлость.

Граф коротко окинул взглядом заросли и горько усмехнулся – паж совсем не умел ходить по лесу и оставил за собой целую просеку, по которой найти его будет совсем просто.

– Спешиться, и вперед! – скомандовал Дерек и первым двинулся по следу мальчишки, страстно желая, чтобы откуда-нибудь прилетела стрела и оборвала его мучительные размышления.

Густой лиственный лес вполне мог дать укрытие любому, кто умел в нем жить. Но Дени за всю свою жизнь очень редко выходил из родного замка, а охоту никогда не любил. Что интересного в том, чтобы затравить незащищенное существо? Никогда юноша этого не понимал, и старшие братья насмехались над ним за неуместную жалость. Да и воинскими потехами он часто пренебрегал, теперь сильно жалея об этом. Но его с детства интересовали только книги. Странно для баронского сына, но Дени был младшим, любимым сыном, и отец очень многое ему позволял. Непонятно, чем он приглянулся остановившемуся в их замке герцогу, но чем-то понравился. Ведь только его позвали в пажи, лично его, а не просто баронского сына.

Сейчас юноша припоминал первую встречу со своим будущим господином и приходил во все большее недоумение. Похоже, именно любовь к книгам привлекла к нему внимание повелителя края. Герцог сам прекрасно знал на память так восхищавшие Дени древние баллады, и едва ли не впервые в жизни юноша мог поговорить с кем-то о том, что его так интересовало. Наутро после этого разговора отец и сообщил ему о желании герцога видеть любителя книг среди своих пажей. А ведь старый барон пытался предупредить сына. Только теперь Дени понял, на что намекал отец, почему так умолял быть осторожным и следить за каждым своим словом.

Какой-то корень попал под ногу, и юноша рухнул на землю, тяжело дыша и обливаясь потом. Седая девушка на его спине продолжала тихо плакать. Он осторожно высвободился из-под нее и заставил несчастную напиться. Но останавливаться нельзя.

Дени с величайшим трудом заставил себя снова подняться и взвалить на спину все еще плачущую Керу. От усталости он почти ничего не видел вокруг и не понял, что зашел в тупик между двумя смыкающимися скалами. Только когда уткнулся лбом в камень, остановился и со стоном упал. Попытался встать, но понял, что если хоть немного не отдохнет, то идти не сможет. Оттащив девушку в глубину расщелины, он сел у входа, пытаясь отдышаться.

Немного придя в себя, юноша повернулся к расщелине, чтобы позвать Керу, но не успел. Кусты напротив затрещали. Дени испуганно вскочил на ноги, но было поздно. Из кустов вышел гигантского роста воин в черной кольчуге, украшенной символами дома Р'Фери. Сам Дерек Р'Фери, граф Тха-Горанга, неистовый военный вождь, чьими подвигами так восхищался Дени. И этот великий воин пришел за ними? Все кончено, это юноша понял мгновенно. Осталось одно – убить Керу и себя, чтобы не попасть живыми в руки герцога. Дени медленно потянул из ножен кинжал и меч и с решимостью отчаяния встал у входа в расщелину, не забыв перед тем швырнуть кинжал девушке. Он надеялся, что она сумеет заколоться сама, так как уже не успевал – за спиной графа выстроилось не менее двадцати воинов.

Дерек молча смотрел в глаза мальчишки, наполненные болью и отчаянной решимостью стоять до конца. До смерти боится, но преодолевает свой страх. Отдает свою жизнь, чтобы спасти совсем незнакомую ему девушку. Спасти хотя бы от поругания...

– Господин Р’Фери... – донесся до него дрожащий девичий голос.

Он поднял глаза и вздрогнул – за спиной пажа стояла дрожащая, как осиновый лист, седая девушка. Как она сумела встать с настолько искалеченными ногами? Как-то сумела. В руке Керы был зажат кинжал.

– Господин Р’Фери... – почти неслышно повторила она. – Как вы можете служить этому палачу? Папа вами так восхищался... За что его светлость так страшно убил Лелу? Что она ему сделала? Ей же всего двенадцать лет было! Кто же вы сами, раз этому зверю служите?!

Кера не выдержала боли в искалеченных ступнях и рухнула на колени, захлебнувшись хриплым плачем. Но руки продолжали сжимать кинжал, острие которого она приставила к собственной груди. Дени стоял над ней с мечом в руках, заходящее солнце освещало его, и казалось, что вокруг головы юноши сияет нимб. Нимб, как у святого... Несколько стражников отшатнулись и осенили себя знаком святого Древа.

– Заткнись, сука! – с насмешкой прокаркал из-за спины графа один из трех «рыцарей». – Подожди, скоро ты узнаешь, как противиться воле его светлости!

Дерек коротко двинул локтем назад, и так называемый «рыцарь» отлетел, заливаясь кровью из разбитого носа. А в голове графа набатом грохотал вопрос: «Кто ты? Кто ты сам такой, Дерек Фери? Человек или нет?»

Никогда за всю свою жизнь он не стоял перед таким страшным выбором. Остаться верным присяге и сохранить честь означало перестать быть человеком. Отказаться от чести, дворянства и стать вне закона, изгоем, которого имеет право убить каждый, значило остаться им. Он поднял глаза и посмотрел на мальчишку, который отказался от всех своих надежд ради спасения другого человека, совсем ему незнакомого. И графу стало мучительно стыдно. А еще через мгновение страшный груз рухнул с его плеч. Он принял решение и медленно повернулся к стражникам.

– Я, Дерек Р’Фери, – его голос звучал глухо, – граф Тха-Горанга, отрекаюсь от клятвы верности, данной мною герцогу Хереду Р’Тари. Отныне я больше не дворянин и не вассал герцога. Девочка права – тот, кто служит твари из ада, сам становится нелюдью. И чтобы взять ее, вам придется для начала переступить через мой труп.

Гигант единым, слитным движением обнажил свои черные мечи. Отшатнувшиеся в стороны стражники увидели сияющие какой-то небесной радостью синие глаза. Не может человек так радоваться перед лицом смерти, что-то в этой радости было жуткое и кощунственное. Дерек и сам не понимал, что с ним творится, но внутри него пылал огонь и смеялся ветер. Почему-то этот ветер казался серебряным, он выдувал из души последние остатки грязи, наполнял сущность бывшего графа звенящей чистотой. Глаза Дени лучились восторгом – сам Дерек Р’Фери, ой, теперь уже Дерек Фери, встал на их защиту? Значит, чудеса случаются не только в древних балладах! Хоть он и понимал в глубине души, что их все равно убьют, но надежда, однажды появившись, никак не желала умирать.

Стражники с ужасом отшатнулись от человека, который обрек себя на лишение титула и жизни. Обрек на позор и предание его имени забвению. И ради чего? Ради какой-то совсем чужой ему девки и пажа-изменника? Если бы девка доводилась графу сестрой или дочерью, то это еще можно было бы как-то понять. Но вот так? Его безумная радость тоже пугала. Похоже, наследник дома Р’Фери в одночасье стал сумасшедшим. Крайне опасным сумасшедшим, если учесть, как он владеет мечами.

– Да что вы слушаете этого изменника! – истошно завопил «рыцарь», из носа которого еще текла кровь, и прыгнул вперед: – За мной!

Коротко свистнул меч Дерека, и голова наглеца покатилась по траве. Обезглавленное тело еще несколько мгновений стояло, орошая траву потоком крови из перерубленных артерий, затем рухнуло. Гигант мрачно обвел взглядом толпу, как бы вопрошая: «Ну, кто еще желает?» Не желал никто, потому никто и не сдвинулся с места. Хотя стражников было много, они пре-

красно понимали, что герой битвы с кургами вполне способен в одиночку перебить больше половины отряда. И никому не хотелось первым лезть под лезвия страшных мечей из черной стали.

– Не бойся, мальчик! – кивнул юноше Дерек. – Прорвемся. А если нет, то умрем как люди.

– Спасибо вам...

Странный гул привлек внимание бывшего графа. Стражники тоже начали оглядываться по сторонам, пытаясь понять, что случилось. А затем грянул гонг или что-то очень на него похожее. Причем грянул с небес. Сами небеса запылали сполохами тысяч цветов. Казалось, некий невидимый оркестр исполняет в небе симфонию света. Люди стояли, раскрыв рты от изумления. Даже искалеченная седая девушка забыла о своей боли и смотрела вверх.

– Слушайте нас, люди! – обрушился с неба громовой голос. – Это аарн говорят с вами. Мы пришли сюда, чтобы помочь тем, кто сумел остаться человеком, несмотря ни на что. Тем, для кого чужая жизнь может стать превыше собственной. Тем, кто способен любить и способен верить любимому человеку. Тем, кто несчастен в обычной жизни и не хочет выдирать свой кусок из глотки ближнего. Тем, кого зовет в неведомое его душа. Мы зовем вас с собой! Вас, кого тошнит от злобы и жестокости, кто способен мечтать о невероятном и несбыточном, не ограничиваясь тем, что можно потрогать. Никогда больше вы не будете одиноки! Скажите три слова: «Арн ил Аарн», и мы придем за вами. Но пусть не пытаются живущие подлостью и жестокостью примазаться к тем, кто слышит серебряный ветер. Ничего у них не получится.

Настала тишина, ошеломляющая тишина. Только в небе по-прежнему полыхала симфония света. Дерек был потрясен. Кто эти аарн? Откуда они взялись? Да они же обладают могуществом богов! Неужели где-то есть братство людей, не желающих возвышаться за счет других? Людей, которым чужды подлость и жестокость? Или кто-то снова пытается обмануть его?

– Арн ил Аарн... – почти неслышно прошептал гигант, пробуя на вкус странные и ничего не говорящие ему слова.

Краем глаза он заметил, что губы Дени и Керы шевелятся. Они, похоже, тоже попробовали произнести эти слова. Интересно, что получится? Какое-то детское любопытство не давало покоя, суровый воин ожидающе смотрел на пылающее небо и надеялся, что что-нибудь произойдет. Или небо, как всегда, обманет ожидания? Краем глаза он видел, что Дени с Керой затянула белесая дымка, не замечая, что то же самое случилось с ним самим. Еще несколько мгновений ничего не происходило, а затем загремела тройная, переливающаяся радостью птичья трель. Может, это была и не трель, но Дерек не мог подобрать иного названия для лучшего торжеством звука.

– А ну вперед, скоты! – раздался визгливый вопль кого-то из оставшихся в живых «рыцарей». – Что там на небе – дело Божье, а наше дело – приказ господина выполнять! Вперед, я сказал!

Стражники неохотно оторвались от зрелища пылающего неба и начали медленно надвигаться на Дерека. Граф осклабился и приглашающе взмахнул одним из мечей.

– Стоять!

Незнакомый голос со странным акцентом раздался из-за спины Дерека. Он оглянулся и застыл на месте – слишком фантастичной и невероятной оказалась открывшаяся взгляду картина. Прямо в скале вертелись две черные воронки, из которых один за другим выскакивали рыцари в белоснежных зеркальных доспехах, на которых совершенно невозможно было разглядеть ни единого просвета. Даже в шлемах не было щелей. На груди каждого выбит черный крылатый человек. Белые рыцари на удивление быстро отсекали беглецов и бывшего графа от стражников. Затем один из них дотронулся до шлема, и тот исчез без следа. Дерек даже потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения, но это не помогло. Совсем молодое чело-

веческое лицо улыбалось ему, и эта улыбка выглядела настолько радостной и задорной, что графу самому захотелось улыбнуться в ответ.

– Кто вы? – спросил он. – Откуда вы здесь взялись?

– Здравствуйте, братья и сестра! – ответил незнакомец. – Вы звали нас, и мы пришли! Больше никогда вы не будете одиноки.

– Арн ил Аарн? – догадался Дерек. – Это вы зажгли небо?

– Мы, брат мой! Вы сказали Призыв, мы вас слышали. Готовы ли вы идти с нами? Зовет ли вас в неведомое серебряный ветер звезд?

– Простите, я вас не понимаю, – устало покачал головой граф. – Мы трое – мятежники и изгои. Мы вне закона, поскольку отказались подчиниться господину, которому приносили вассальную клятву. Зачем мы вам?

– А мы почти все бывшие изгои! – протянул ему руку белый рыцарь. – И мы рады вам.

В этот момент его взгляд упал на едва не теряющую сознание Керу, и незнакомец побледнел.

– Какая тварь с тобой это сделала, сестренка? – простонал он и закусил губу. – Крейсер! Целителя сюда! Немедленно!

Никто не успел ничего сказать, как из воронки выпрыгнул человек в черно-серебристом обтягивающем костюме со странной, незнакомой Дереку эмблемой на плече, и сломя голову ринулся к девушке. Опустившись перед ней на колени, он ласковым голосом со все тем же незнакомым акцентом сказал:

– Не бойся меня, маленькая. Сейчас боль пройдет, а дома мы ляжем в ти-анх и к утру будем совсем здоровы. Забудем все это, как страшный сон. Вот гаду, который это сотворил, я бы здоровье резко ухудшил.

– Но это ведь его светлость герцог... – слабо возразила потрясенная Кера. – Он господин всего края...

– Одним щелчком твоего герцога пришибить можно, – рассмеялся лекарь, осторожно смазывая чем-то искалеченные ступни девушки. – Никогда больше и никто не осмелится сделать с тобой что-нибудь плохое. Ты теперь – аарн, а мы за одного своего хоть тысячу герцогов пришибем.

– Аарн... – повторила за ним незнакомое слово Кера. – Как в сказке...

– Сказки – мелочь, маленькая, – он погладил девушку по щеке. – Ты увидишь и узнаешь такое, о чем ни одна сказка не расскажет. Ты узнаешь, каково это – жить среди тех, кто любит тебя и кого любишь ты сама. Наверное, ты мне пока не веришь... Но ты увидишь сама... Отнести тебя на корабль?

– Отнесите... – Кера была как во сне, только что она готовилась к смерти, и вдруг в мгновение ока все изменилось и невозможное стало возможным. – Спасибо вам...

– Не за что, сестренка, – снова засмеялся лекарь.

Затем осторожно поднял девушку на руки и понес к воронке. Миг – и они исчезли. Дерек только головой покачал. Кто они, эти аарн? Откуда они вообще взялись? Зачем, скажите на милость, им трое изгоев? Самое смешное, что граф ничуть не сомневался, что пойдет с ними. Его заело любопытство, совершенно детское, жгучее любопытство, на которое он считал себя давно не способным. Да и не было после отречения от сюзерена никакого иного выхода. Уж его светлость постарается донести до всех весть об измене знаменитого и уже поэтому ненавистного графа. А раз кому-то наплевать на это, то надо быть последним дураком, чтобы отказаться от их приглашения. Но клятвы он приносить не станет, сначала присмотрится к этим странным людям, хорошенько присмотрится и только потом решит.

Тысячи вопросов теснились в голове, и ни на один не находилось ответа. Дерек с интересом смотрел, как белые рыцари мастерски обезоружили стражников и едва ли не пинками погнали их прочь. Он привычно отмечал технику владения оружием и только удивлялся – тех-

ника оказалась совершенно незнакомой, но чрезвычайно эффективной и красивой. Впрочем, в исполнении мастера все красиво. Что еще удивило Дерека – аарн никого не убили. Стражники сопротивлялись изо всех сил и пытались убить белых рыцарей, но те просто обезоруживали нападающих и никого не ударили первыми. Ни один из них.

– Идемте, братья? – донесся до слуха Дерека голос командира аарн. – Здесь нам больше нечего делать.

Бывший граф вздохнул и передернул плечами. Вертящаяся черная воронка, в которую предстояло войти, пугала – колдовства не любил ни один воин. Стоящий в сторонке Дени за все время с момента появления белых рыцарей не произнес ни слова, и по одному этому Дерек понял, насколько мальчишка растерян. Он подошел и похлопал пажа по плечу. Тот вздрогнул и внимательно посмотрел на гиганта.

– Вы думаете, нам стоит идти, граф? – Дрожащий, ломающийся голос был не похож на обычный голос юноши.

– А что мы теряем, мальчик? – грустно улыбнулся Дерек. – Здесь нам податься некуда, кроме как в разбойники. Ты испытываешь желание грабить путников на большой дороге? Я почему-то нет.

– Я тоже нет...

На память снова пришли Кера и ее младшая сестренка. Дерек остановился. Это что же получается, он сейчас уйдет, а герцог продолжит издеваться над несчастными девочками? Продолжит уничтожать всех и вся, прорываясь к императорскому престолу? И что будет, если эта нелюдь станет императором? Он же всю страну в преддверье ада превратит! Дерек подошел к ожидавшему их у воронки аарн и коротко рассказал ему о том, что ежедневно творится в замке герцога.

– Ты считаешь, брат, что мы должны его остановить? – нахмурился тот.

– Остановить такого – долг каждого, в ком есть хоть капля чести.

– Ты прав. Такие не должны жить.

Аарн взмахнул рукой, и прямо в воздухе возникла карта. Настолько подробной и великолепно прорисованной карты Дереку видеть еще не доводилось. А потом он вдруг понял, что это не карта – перед ним раскинулся вид края сверху, кто-то там, в небе, смотрел и передавал сюда увиденное. Он снова передернул плечами, заставляя себя отрешиться от удивления. Пора заняться делом. Так, вот и замок Ард Каронг. Он указал на замок, и тот рывком приблизился. На главном дворе сразу бросались в глаза палаческие приспособления, при виде которых хотелось скрипеть зубами. И разнести всю эту мерзость на куски. Карта между тем на мгновение потемнела, и перед глазами Дерека возник подробный план замка. Он указал на покои герцога, снова заставив себя не отвлекаться на постороннее.

– Крейсер! – Голос аарн был спокоен. – Прошу открыть гиперканалы по указанным координатам. И вести мониторинг, начинаем боевое проникновение. – Затем повернулся к остальным белым рыцарям и скомандовал:

– Второй отряд – к бою! Приготовить парализаторы. Остальным – вернуться на крейсер, но быть готовыми на случай непредвиденных обстоятельств.

Перед ним завертелась еще одна черная воронка, ведущая, как понял Дерек, прямо в покои герцога. Вместо карты он видел своего бывшего сюзерена. Тот занимался своим любимым делом – пытал какую-то несчастную девушку. Впрочем, пыткой это назвать было нельзя, пытаются, если хотят что-нибудь узнать. А как назвать, когда палачу доставляет наслаждение сам процесс? Да, таких нелюдей можно назвать только Детьми Зверя...

Примерно половина белых рыцарей скрылась в воронках. Каждый из оставшихся спрятал меч и достал что-то металлическое, но вот определить, что это, Дерек не сумел. Явно какое-то оружие. Как там говорил их командир, парализаторы, что ли? Аарн добыли откуда-то плоские белые доски, и эти доски повисли перед ними в воздухе. «Святой Ренал! – взмолился про

себя Дерек. – Обереги меня от колдовства и чернокнижия!» Какая-то пара мгновений, и белые рыцари уже стояли на этих висящих в воздухе досках. Это они что, так воевать собираются? Да уж, не дай Созидающий подобных противников в бою!

– Идем, брат мой? – спросил аарн, и граф кивнул.

Командир подал сигнал, и белые рыцари один за другим начали нырять в возникающие перед ними воронки. Представив себя на месте воинов герцога, Дерек невольно поежился. Очень неприятно, когда враг способен вынырнуть в любой точке замка, который ты защищаешь. Аарн, похоже, собираются захватить Ард Каронг быстро и без лишних разговоров. Единственное, что осталось непонятным, так это то, что командир отряда не определил воинам никаких задач. Или эти воины настолько опытные, что приказы им не требуются? Впрочем, пытаться понять все и сразу – глупое занятие. Граф приготовился шагнуть в черную воронку. Вблизи она пугала еще больше, от нее веяло ледяным холодом. Дерек криво усмехнулся, привычно заставляя страх сжаться в точку и уйти. Потом шагнул вперед.

Над замком Ард Каронг грянул гонг, а вслед за тем зазвучала музыка. Дикая для слуха местных обитателей музыка, пугающая и непривычная. Торжествующая и зовущая куда-то вдаль. Люди зажимали уши и в страхе забивались в любую щель, какую только могли найти. Но это не помогало, музыка проникала всюду и заставляла корчиться от ужаса. А затем в воздухе распахнулись черные воронки, из которых один за другим посыпались стоящие на летающих досках закованные в белоснежные латы рыцари. Капитан стражи попытался было организовать оборону, да куда там... Захватчики держали в руках какие-то металлические штуковины, колдовские штуковины – каждый воин, попавший под вырывающийся из них голубоватый широкий луч, сразу падал. Очень скоро гарнизон сложил оружие. Стоять насмерть за сына Зверя, каковым считали своего господина почти все люди в замке, мало кому хотелось.

Испуганный непонятно откуда взявшейся громовой музыкой, герцог отпрыгнул к стене от слабо стонущей жертвы. Поискав взглядом оружие, он схватил со стойки меч и замер. Черные воронки не испугали его, о колдовстве владетель края слышал и жалел только, что у него не было собственных колдунов. Неужели император проведал о его развлечениях? Было бы весьма неприятно, но даже в этом случае имелся шанс выкарабкаться. Однако появившиеся из воронок белые рыцари немало удивили герцога, он не знал, чьи это воины. На императорских гвардейцев совсем не похожи. Кто же вторгся сюда? Что все это значит? А когда из воронки вышли Дерек Р'Фери и паж, укравший пленницу, герцог едва не сошел с ума от ярости.

– Изменник! – зло бросил он графу. – Ты давал клятву верности!

– Все клятвы, данные сыну Зверя, недействительны перед лицом Созидающего! – с презрением ответил Дерек.

– Тебе никто не давал права называть меня так! – прошипел герцог, с ненавистью сверля взглядом мятежного вассала.

– Способный сотворить такое с невинным и беззащитным, – граф показал мечом на слабо стонущую жертву, – не может быть никем иным! Я давал клятву иному Хереду Р'Тари. Еще не ставшему сыном Зверя. Вы предпочли продать душу Разрушающему, герцог? Ну что ж, это был ваш собственный выбор, и вы должны понимать, что с вас неизбежно потребуют расплатиться за все зло, причиненное вами.

– И кто потребует? – с насмешкой спросил герцог. – Ты, что ли, благородный дурак?

– Тот, кого у вас называют Созидающим! – Голос командира аарн был настолько холоден, что морозом по шкуре продирало.

Затем командир повернулся к Дереку и сказал:

– Судить его – ваше с Дени право. Чего он достоин?

– Смерти, – ответил граф. Паж, соглашаясь, кивнул.

– Слишком гуманно, – столь же холодно возразил белый рыцарь. – Я предлагаю иное.

– Что?

– Мы можем записать воспоминания его жертв. Эмоэфир вашего мира сохранил их. А потом заставить палача прочувствовать все пережитое ими. Его никто даже пальцем не тронет, но для него самого боль будет реальной. Он получит обратно все горе, все отчаяние, весь ужас собственных жертв. Из этого заколдованного круга герцог не сможет выйти, пока искренне не раскается. По-моему, такое наказание справедливо.

– Страшное наказание... – Дерека передернуло. – Но герцог его действительно заслужил.

– Согласен! – Голос Дени был ломким, но решительным.

Командир аарн кивнул, поднял голову и позвал:

– Мастер!

– Да, Ренат! – ответил ему из-под потолка гулкий, наполненный силой голос.

– Ты слышал? Ты согласен?

– Слышал, но не согласен. Да, эта тварь заслуживает еще и не такого наказания, но я говорю не о нем, подумай о себе, мальчик. Подумай о нас всех. Ведь его боль все равно вызовет инферно, и ответственность за его возникновение будем нести мы.

– Хвост Проклятого мне в глотку... – смущенно пробормотал Ренат. – Ты прав, Мастер, я действительно не подумал. Но что тогда с ним делать? Убить?

– Глупо. Он ничего не поймет, снова родится через какое-то время и продолжит делать то же самое уже в новом воплощении. А ты уподобишься ему.

– Одиночество... – дрожащим голосом сказал Дени. – Полное одиночество. Чтобы ему некого было мучить! Не над кем издеваться! Разве что над собой.

– Здравая мысль, малыш! – одобрил голос с потолка. – Ренат, помнишь мир, который мы нашли перед этим?

– Точно! – засмеялся тот. – Полно фруктов, тепло, и хищников почти нет. Но никого разумного.

– Значит, туда господина герцога и поместим. Пусть подумает о своей жизни. Я рад, что этот неприятный вопрос решен таким образом. Прощаюсь и желаю удачи.

– Кто это говорил? – спросил Дерек.

– Командор ордена Аарн, – усмехнулся Ренат. – Великий маг Илар ран Дар. Ты скоро сам с ним познакомишься.

Граф кивнул и перевел взгляд на своего бывшего господина. Херед Р'Тари был бледен, его всего трясло, кажется, до него все-таки дошло, какое именно наказание его ждет. И теперь он пребывал в ужасе, таким видеть надменного повелителя края Дереку еще не доводилось. На лбу герцога застыли крупные капли холодного пота, похоже, он пытался убедить себя в нереальности происходящего. И только когда перед ним распахнулась воронка, из которой вышли еще двое белых рыцарей, поверил окончательно.

– Нет!!! – отчаянный вопль разорвал тишину. – Нет!!! Лучше убейте! Только не оставляйте меня в одиночестве! Прошу вас!

Поздно. Аарн без лишних слов отобрали у него меч, что-то коротко загудело, и герцог потерял сознание. Дерек, не совсем понимая, что происходит, смотрел, как его бывшего сюзерена уносят в черную воронку.

– Что с ним сделают? – спросил Дени.

– Высадят в месте, где тепло, сытно и безопасно, – усмехнулся Ренат. – Но там никого нет. И выбраться оттуда самостоятельно у палача возможности не будет.

– Это страшно, но справедливо, – резко кивнул Дерек.

– Да... – поежился паж. – Для такого пребывать в обществе самого себя действительно страшно. Наверное, он скоро сойдет с ума.

– Может быть, – пожал плечами аарн. – Меня, если честно, не волнует судьба человека, по собственной воле ставшего зверем. Пойдем лучше. Нас ждут.

Перед ними снова появилась черная воронка. Белые рыцари один за другим исчезли в ней, унеся к Целителям жертву герцога. Скоро в комнате остались только Дерек, Дени и Ренат. Паж вскоре тоже ушел, и граф вздохнул. Решившись наконец, граф шагнул в неизвестность. Впереди ждала новая, непонятная пока жизнь. Что ему предстоит, Дерек не знал, оставалось только надеяться, что его не обманули снова, как это не раз случалось в прошлом.

* * *

Замызганный пульт помигивал десятками огоньков, тихо жужжал непривычно новый и мощный комп, обрабатывая данные сканирования. Ренни раздраженно отхлебнул из пластикового стаканчика миск⁶ и в который раз поморщился – разве эту дрянь можно называть миском? Увы, запасы, приобретенные во время последней стоянки, оставляли желать лучшего, и ничего поделаться с этим первый пилот не мог. Капитан Герсен никогда не жалел денег на хорошие продукты, но на станции «Тива», последнем порту «Пьяного Паруса» перед броском из галактики, их невозможно было купить ни за какие деньги, туда завозилось только самое дешевое и некачественное. Да ладно, в конце концов, не помрет. Вот если удастся что-то интересное найти и выгодно продать, тогда он и оторвется на полную катушку. А пока придется терпеть. Проклятый с ним, потерпит, не впервой! Посмотрели бы его гордые дворянской честью предки на то, чем занят их далекий потомок. Прокляли бы, наверное... Ничего, проживем и так. Они, когда родовое состояние проматывали, о его чести не думали. Может, все-таки повезет найти что-нибудь подороже?

Но первый пилот почти не верил, что этот рейс себя окупит – фонд, нанявший «Пьяный Парус», зачем-то послал их в дикую глухомань далеко за пределы обитаемой галактики, и надежды на какую-нибудь интересную находку у черных археологов давно уже не было. И какого хвоста Проклятого капитан согласился? Ренни очень хотел это знать, но Дрен Герсен никого не посвящал в свои планы, появлялся, когда хотел, и снова исчезал в неизвестности, распустив экипаж и отсутствуя порой по несколько лет. Потом снова появлялся и набирал людей, стараясь найти тех, кто уже служил в его экипаже. Хотя многие летали с ним не один десяток лет, никто не мог сказать, что хорошо знает капитана Герсена. Поэтому давно никто и не пытался понять мотивов старого авантюриста. Но летавшие с ним внакладе не оставались почти никогда, капитан каким-то образом ухитрялся оказаться первым в месте любой важной археологической находки, а потом выгодно продать найденное.

Десятки музеев обитаемой галактики слали проклятия удачливому черному археологу, но помешать ему были бессильны. Да что говорить, единственный полностью уцелевший эльфийский город на Парвахе первым нашел именно капитан Герсен. Там, к сожалению, много взять не вышло, пришлось быстро уносить ноги, зато каждый из экипажа «Пьяного Паруса» получил крупный куш. Каким образом Герсен понял, что именно составляет самую большую ценность? А кто его знает... Ренни весело хмыкнул себе под нос – многие идиоты были всерьез уверены, что шкипер «Пьяного Паруса» заключил сделку с Проклятым, чума на все его хвосты. Хотя странная осведомленность Герсена ставила в тупик и его. Потому первый пилот и согласился лететь в этот забытый Благими угол галактики с капитаном. Впрочем, это шаровое скопление находилось даже не в самой галактике, а несколько в стороне. Никто им не интересовался, пригодных к жизни планет здесь почти не было, а те, что были, обладали столь «изумительным» климатом, что поселиться на них согласился бы только клинический идиот.

В другое время и в другом месте многие сорвиголовы из их отчаянного экипажа стали бы пиратами, но попробуй, попирайтсвуй сейчас. Проклятый Благими орден сделал это благородное занятие совершенно невозможным. Стоило хоть малейшему слуху о появившихся где-

---

⁶ Миск – напиток, чем-то напоминающий кофе по вкусу и тонизирующему действию.

нибудь джентльменах удачи просочиться наружу, как на месте нападения объявлялись гигантские дварх-крейсера⁷ аарн и каким-то образом очень быстро находили виновного. Судьбе экипажа пиратского корабля после этого не позавидовал бы никто. Причем орденские чистоплюи даже рук сами не марали. Они просто лишали корабль двигателей и отбуксировывали его куда-то очень далеко, предоставляя людям самим умирать от голода и жажды. Тем не менее каждую пару десятков лет хоть один капитан да рисковал заняться пиратством, но, к сожалению, быстро попадал в цепкие лапы аарн. Напуганные его судьбой авантюристы и сорвиголовы предпочитали идти в наемники, черные археологи, вольные торговцы. Но не рисковали становиться пиратами, проклиная про себя орден, лишивший их такого быстрого и почти безопасного способа обогащения.

Ренни и сам в юности едва не соблазнился предложением стать пилотом пиратского рейдера, созданного с применением последних кэ-эль-энахских технологий, но, слава Благим, в последний момент одумался и решил сперва посмотреть, что из этого выйдет. Увы, капитану рейдера, несмотря на все его хвастливые заверения, что поймать его невозможно, удалось погулять на свободе всего несколько лет. А потом его отловил личный дварх-крейсер Т'Сада Говаха, адмирала-дракона. Как Ренни после этого благодарил Благих, не давших ему стать пилотом этого злосчастного рейдера... Вот тогда он и принял приглашение капитана Герсена, у которого как раз отбросил коньки от наркотиков первый пилот. И не пожалел об этом.

Миск совершенно остыл, и пить коричневатую бурду стало невозможно. Ренни скривился и швырнул недопитый стаканчик в утилизатор, ответивший ему желтой вспышкой и мягким гудением.

Нет, такого рейса у них еще не бывало... Не работал капитан Герсен до сих пор ни на кого. Никогда и ни при каких обстоятельствах не работал. Почему же сейчас изменил своим принципам? Первый пилот зло ругнулся сквозь зубы и почесал затылок. Нечисто тут что-то, как бы не влипнуть...

Не нравился ему странный псевдоархеологический невероятно богатый фонд, перед представителем которого капитан едва ли не на цырлах бегал, выполняя его малейшее пожелание. Хотя заплатили экипажу, конечно, настолько хорошо, что оставалось только изумляться. Да и поисковое оборудование установили такое, что просто мечта. А новый главный комп «Пьяного Паруса»? Эту зверюгу можно на боевой крейсер или линкор ставить, не то что на их лоханку! Впрочем, обшарпанный вид старого корабля был обманчив – во всей галактике корабль с таким ходом надо еще поискать. Орденские корабли, конечно, не в счет, но тягаться с аарн глупо в любом случае. А так... Гипердвигатели «Пьяного Паруса» обновлялись каждые два-три года. Хотел бы Ренни знать, откуда у капитана такие деньги. Но у Герсена никогда ничего не узнаешь.

– Рубка! – рявкнул динамик голосом капитана, и Ренни даже подпрыгнул от неожиданности. – Кто на вахте?

– Первый пилот.

– А, малыш! – Голос капитана чуть потеплел, и изображение старого лиса появилось на экране перед Ренни. – Слушай сюда, есть у меня пара мыслишек, где искать.

– А что мы такого ищем, кэп?

---

⁷ Двархи – вид разумных, который целиком вошел в орден Аарн по приглашению Командора. У двархов нет собственного тела, однако они обладают способностью ощущать как собственное тело любой высокоорганизованный материальный объект, внедряясь в управляющий им искусственный интеллект. Благодаря уникальным мыслительным возможностям дварха, избравшего крейсер местом своего обитания, дварх-крейсера ордена неизмеримо превышают по боеспособности обычные крейсера того же класса. Видимо, это обстоятельство сыграло определенную роль при формировании системы воинских званий ордена. Так, например, орденские звания «дварх-лейтенант» и «лор-лейтенант» можно соотнести со званиями «старший лейтенант» и «младший лейтенант» лишь в самом первом приближении.

– Хитрый мальчишка! – оскалил зубы капитан. – Учти: чего не знаешь, за то не отвечаешь. Учись, сынок, пока я добрый. Узнаешь, если найдем.

– Ваше дело, кэп, – пожал плечами первый пилот. – Ладно, что там по поводу поиска?

– Смотри сюда.

Навигационная панель перед Ренни засветилась, и на ней проявилась подробная звездная карта безымянного шарового скопления.

– Видишь в третьем квадранте туманность? – продолжил капитан.

– Ну, вижу...

– Без «ну»! Моя интуиция буквально вопит о ней. А она меня пока не подводила.

Ренни задумчиво почесал затылок. Действительно, ничем другим объяснить удачливость Герсена он не мог. И раз капитан говорит, что нужно осмотреть туманность, то это, во-первых, НАДО сделать, потому что он капитан, а во-вторых, это СТОИТ сделать, потому что интуиция у него действительно сумасшедшая.

– Прокладывать курс, кэп? – спросил он.

– Давай, мальчик мой, давай, – почти добродушно протянул капитан. – Разгонишь корабль до максимума. Сколько туда лететь?

– До места примерно сорок пять парсек, – потер нос Ренни. – На полной скорости часов за семь догребем. Ну, а там...

– Что будет там, поглядим на месте, – прервал его старый лис. – Давай ставь корабль на курс и можешь идти спать. Проследить за курсом во время инерционного полета в гипер⁸ сможет и Чмошник.

Ренни ухмыльнулся и кивнул, глядя, как тускнеет изображение капитана на главном экране связи. Чмошник, значит... Ладно, капитану виднее. По-другому на «Пьяном Парусе» второго пилота никто давно не называл. Парень, в общем, был бы и ничего, но при малейшей дозе спиртного съезжал с катушек. А выпить он любил... Увы, выпив хоть полста граммов, становился буйным и крайне тупым, напрочь забывая все, что знал и умел. Его даже на вахты опасались ставить, так как он часто для храбрости принимал на грудь немного, после чего начинались «чудеса». Однажды в подпитии исхитрился завести корабль в поле тяготения черной дыры, Ренни с капитаном едва сумели выкарабкаться. Был нещадно бит после этого и заперт в карцере, со строгим запретом когда-либо касаться пульта. Теперь, если ему и доверяли следить за курсом, то при любой необходимости обязывали звать Ренни или капитана и ни при каких обстоятельствах ничего не делать самому. Чмошник возмущался, скандалил, но это ничего ему не давало, кроме дополнительных зуботычин. Если бы они не находились столь далеко от ближайших портов, капитан давно бы списал дурака с борта.

Вспомнив о нем, первый пилот только покачал головой – и кто мог заподозрить такое в молодом парне с великолепными аттестациями? Видимо, аттестации давались Чмошнику только затем, чтобы побыстрее избавиться от него. Ренни вызвал второго пилота и приказал явиться в рубку, одновременно пытаясь припомнить, как его зовут на самом деле. Но вскоре оставил бесполезное занятие.

– Вызывали? – недовольный голос опухшего от сна Чмошника раздался у него за спиной.

– Вызывал, – ответил Ренни, оборачиваясь. – Значит, так: сидеть здесь и следить за курсом, смотреть, чтобы все было согласно курсовому компу. Не разучился еще курс с курсовика считывать, надеюсь? И не дай тебе Благие дотронуться до пульта хоть пальцем, лично удавлю. Понял?

– Понял... – недовольно выдавил из себя второй пилот. – А что делать, если чего случится?

---

⁸ Гипер – сокращенное название гиперпространства, где в сверхсветовом режиме передвигаются межзвездные корабли.

– «Что делать, что делать!»! – передразнил Ренни. – Меня или шкипа звать, а то ты нас вообще в корону звезды заведешь.

– Ну, ошибся раз, ну что...

– Заткнись! Урод, блин! Сказано – пульт не трогать! Повтори.

– Сидеть, следить за курсом, пульт не трогать, в случае чего звать вас или шкипа... – уныло повторил Чмошник, с ненавистью глядя на Ренни.

– Тогда я спать, если кто спросит – я в своей каюте.

Еще раз посмотрев на молодого идиота, первый пилот покачал головой. Странно, как можно быть таким недоумком, неужели не понимает, что космос ошибок не прощает? Не умеешь пить – так не пей! Нет же, знает, что, если выпьет, обязательно натворит чего-нибудь, а все равно каждый раз пьет. Да уж, когда удастся от него избавиться и найти нормального пилота, станет куда легче.

Разбудил Ренни мощный удар, от которого он слетел со своей койки и чувствительно приложился затылком о стальной пол. В этот момент на корабле взвыла сирена и замигали синие лампы аварийного освещения. Проклиная в голос все на свете и держась рукой за ушибленную голову, Ренни, как был, в одних трусах, кинулся в рубку. На пороге он столкнулся капитаном Герсеном. Тот ожег первого пилота злым взглядом и первым ворвался внутрь. Представшая их глазам картина была достойна кисти художника.

Полуголый Чмошник яростно колотил по пульту кулаком и орал что-то вроде: «Ах ты, пдла, ты чо мя не слшаешь!» Он глотал гласные, и понять что-либо из его тирады не представлялось возможным.

Подскочив к пульту, Ренни бросил взгляд на курсовой комп и едва не взвыл. Корабль подошел к месту назначения, и этот идиот, снова напившись, забыл обо всех приказах и принялся самостоятельно сбрасывать скорость. Ладно бы так, вышел из гиперра, слава Благим, нормально. Но вот потом... Понять бы, зачем ему понадобился мирно плывущий в нескольких миллионах миль астероид? Ради какого хвоста Проклятого понадобилось несколько раз догонять его, наворачивая круг за кругом на расстоянии, на которое любой пилот, пребывающий в здравом рассудке, не рискнет подойти ни к одному небесному телу? Конечно, в конце концов, долбанулся кормой... Ренни повернулся к капитану:

– Шкип! – в отчаянии выкрикнул он. – Вы сами сказали позвать его и идти спать!

– Ты приказал ему не трогать пульт? – негромко спросил капитан.

– Да.

– Тебе было приказано не трогать пульт? – мрачно осведомился Герсен у Чмошника.

– А чо я?! – заорал тот, пьяно размахивая руками. – Я ж пилот! Чо не трогать-то?!

– Из тебя пилот, как из задницы певица! – с презрением выплюнул капитан. – Что ж, я давал тебе последний шанс стать человеком, но ты предпочел остаться козлом. А с козлами у меня разговор короткий!

С этими словами он совершенно спокойно расстегнул кобуру, достал плазмер и выстрелил Чмошнику в голову. На лбу того образовалось не запланированное природой отверстие, на лице нарисовалось выражение величайшего изумления, и он рухнул на пол. Вот тут-то Ренни и стало страшно до онемения. Он смотрел на безразличное лицо капитана Герсена, с каждым мгновением все больше и больше понимая, что этот человек без каких-либо угрызений совести избавится от любого, хоть чем-то мешающего ему. Уловив выражение ужаса на лице первого пилота, капитан криво ухмыльнулся.

– У нас беда, – со смешком сказал он, – второй пилот без вести пропал во время разведки планетоида.

– Так точно, шкип... – с трудом смог выдавить из себя Ренни, никогда еще не видевший смерть так близко.

– Не бойся, – едва сдержал смех капитан, – ты хороший пилот и пока мне нужен. А этот идиот был опасен. Но не дай тебе Благие открыть рот, где не следует...

Ренни отчаянно закивал, не будучи в силах сказать хоть что-нибудь. Впрочем, Герсен не обращал на него никакого внимания. Он вызвал киберов и приказал убрать мусор. Шмысленные машины справились быстро, и вскоре ничто не напоминало о разыгравшейся здесь трагедии. Первый пилот с большим трудом заставил себя переключиться на показания главного компа и сосредоточился на работе аналитической программы. Слава Благим, «Пьяный Парус» оказался крепким корабликом, и ничего страшного с ним от касательного удара не произошло. Ренни покрылся холодным потом, представив, что случилось бы, если бы покойник врезался в астероид не по касательной. А так, похоже, отделались легким испугом и небольшой деформацией корпуса, даже трещин не было. Он с облегчением доложил одобрительно кивающему капитану обстановку, которую тот и сам вполне мог считать с мониторов. Но Ренни решил перестраховаться, и, похоже, правильно сделал. Капитан явно доволен им. И слава Благим! Такого человека лучше не сердить. Нет, Ренни, конечно, мог убить, но в запале, в драке. А вот так, хладнокровно...

– Теперь слушай меня, малыш, – усмехнулся его явному страху капитан. – Эту паскудную туманность необходимо обшарить до последнего закоулка. Все указывает на нее.

– Что указывает? И на что? – не выдержал Ренни.

– А? Да так, ни на что.

– Что я должен делать?

– Делать... – насмешливо протянул Герсен. – Делать всегда найдется что. А пока я подсоединю к компу одну штуковину. Ты будешь сидеть и ждать указаний. Комп периодически станет выдавать тебе точные координаты, а ты перегоняй корабль по ним тютельница в тютельница. Сканируй пространство и, если нужного результата не будет, ожидай новых координат. Понятно?

– А чего тут не понять, я же не этот... – пожал плечами Ренни, кивнув на дверь, в которую вынесли тело злополучного Чмошника.

– Только надень что-нибудь, здесь тебе не пляж.

Герсен криво усмехнулся и вышел. Первый пилот мотнулся в каюту, напялил на себя первый попавшийся комбинезон и вернулся. Вскоре пришел и капитан. Он бережно нес в руках какую-то вычурную черную шкатулку. Ренни предусмотрительно отошел в сторону, стараясь краем глаза рассмотреть, что делает Герсен. Тот, что-то бормоча себе под нос, открыл шкатулку и достал из нее покрытый шершавыми наростами темно-серый шар, легко уместившийся на ладони. После чего подошел к пульту главного компа и прямо над ним выпустил шар из рук. Но тот не рухнул вниз, а остался висеть в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси и оставляя вокруг быстро рассеивающиеся облачка то ли дыма, то ли пара.

Герсен продолжал что-то бормотать, водя руками над вращающимся шаром, и его занудный речитатив бил по нервам, заставляя ежиться, как от холода. На пилотском мониторе главного компа внезапно отобразился диалог поиска новых устройств, и вскорости комп сообщил о подключении к системе нестандартного анализатора со своим программным обеспечением. Ренни, ничего не понимая, тихо стоял в углу, вжавшись в стену и стараясь быть как можно незаметнее.

– Значит, так, – обернулся к нему Герсен. – Я дал компу указания все данные прогонять через новый анализатор. Веди корабль медленно, особенно внутри звездных систем, обшаривай все настолько тщательно, насколько это вообще возможно. Особое внимание удели астероидным поясам.

– Понял. Но что это за анализатор? Я таких никогда не видел...

– Секретная разработка, – ехидно осклабился капитан. – И вообще, тебя это не касается. Твое дело – мои приказы исполнять.

– Да, сэр! – кивнул первый пилот, стараясь не смотреть на вертящийся в воздухе шар. – Все исполню.

– С чего это ты меня сэром обзывать начал? Остынь, малыш, мы не на военном корабле. Пока.

Ренни кивнул, пытаясь хоть как-то собраться с мыслями. Капитанское «пока» окончательно выбило его из колеи. Он давно подозревал, что с капитаном Герсеном далеко не все так просто, что он вовсе не тот, за кого себя выдает. Слишком аристократическими были замашки старого пирата, слишком он много знал и умел такого, чего не должен знать и уметь капитан корабля черных археологов. Но первый пилот предпочитал держать свои догадки при себе, подсознательно ощущая, что становиться на дороге этого человека слишком опасно. А уж теперь, после хладнокровного убийства, он и подавно не станет рисковать. Не станет и выполнит все приказы Герсена, надеясь, что тому нужны верные люди.

– Ладно, – сказал капитан, хлопнув Ренни по плечу. – Ты давай работай, а у меня еще кое-какие делишки имеются.

Первый пилот кивнул, и Герсен быстро вышел из рубки. Ренни позволил себе облегченно вздохнуть и утереть холодный пот со лба. Потом медленно подошел к пульту и принялся внимательно осматривать вертящийся в воздухе туманный шар. Туман, окружавший его, искрился разноцветными искрами, и явственно пахло чем-то сладким. Проклятый побери, да нигде же, ни в одном профессиональном сетевом издании не было даже намека на что-либо подобное! А уж возможности этого «анализатора»... Ренни, наблюдая за его работой, быстро понял, что это подключенное к компу устройство по вычислительной мощности как бы не переплюнуло сам комп. Нет, что бы там ни говорил капитан о новых разработках, верилось в это с очень большим трудом. Скорее всего Герсен работает на орден и имеет дело с невозможными и невероятными технологиями аарн, о которых с таким восторгом и такой завистью говорят по всей обитаемой галактике. Или... При понимании, что может означать это самое «или», у Ренни перехватило дух. Если он прав, то... Но нет, такие догадки лучше спрятать подальше, спрятать даже от себя самого. Что первый пилот «Пьяного Паруса» и сделал, принявшись за обработку информации, которую как раз выдал комп.

Час шел за часом, анализатор продолжал выплевывать на монитор новые порции данных. Ренни оценивал их и перегонял корабль в новое место, стараясь максимально точно следовать полученным координатам. Но далеко не всегда ему это удавалось. Безымянная туманность изобиловала одинокими каменными глыбами и астероидными поясами. Обнаружились, как это ни странно, даже пригодные для жизни планеты. На один миг первому пилоту даже стало интересно, а не обитаемы ли они? Но на сканирование планет не хватило времени, комп снова требовательно запищал, выдавая на монитор новую порцию координат. Ренни оценил их и кивнул подтверждению собственных мыслей – анализатор обрабатывал данные, следуя хитрому оптимизирующему алгоритму, и подводил корабль к какой-то неизвестной пока точке. Первого пилота самого постепенно захватывал азарт. Прыжки корабля становились с каждым разом все короче, они вертелись вокруг звездной системы красного карлика с тремя безатмосферными планетами, не уходя, как прежде, в другие системы. Интересно, что же такое скрывается здесь? Странно, но Ренни был почти уверен, что капитан прекрасно знает, что ищет. Нет, этот рейс не походил ни на один из предыдущих, и хорошо бы вернуться из него живым.

Время шло, и Ренни понемногу начал скучать. Однако долго скучать ему не пришлось – экран монитора неожиданно зажегся красным цветом и высветил сообщение: «Основная связующая точка стазис-перехода обнаружена. Согласно программе первичный пароль выслан и принят. Получен отзыв. Для сообщения вторичного пароля и заверенного командованием подтверждения полномочий Повелителя предоставляется тридцать стандартных минут. При неполучении паролей в течение этого времени корабль-нарушитель будет уничтожен системой защиты». Прочитав, Ренни только открыл рот, как рыба, внезапно вытащенная на воздух. Но

быстро заставил себя опомниться, приказав выдать на монитор состояние корабля. И опять едва не сполз на пол от изумления – корабль окружило неизвестной природы силовое поле. Пока оно лишь окружало «Пьяный Парус», но что случится, если создавшие его решат сжать поле до точки? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о результате. Ренни вытер покрывшийся холодным потом лоб и вызвал каюту капитана.

– Что случилось? – спросил появившийся на экране Герсен, увидев перепуганное лицо первого пилота.

– Мы, похоже, напоролись на что-то, шкип... Нас захватили в силовую ловушку и требуют пароль с полномочиями какого-то повелителя.

– Сейчас приду, – бросил капитан.

Буквально через минуту Герсен был уже в рубке. Ренни оторопело смотрел на него и мысленно осенял себя знаком святого Круга. Таким всегда невозмутимого капитана он никогда не видел, да и никто, пожалуй, не видел. Глаза старого хищника горели, казалось, он видит что-то такое, что мечтал увидеть всю свою жизнь. Он наклонился вперед, жадно читая выдаваемую компом информацию. Затем тихо пробормотал что-то себе под нос, но жадно вслушивающийся первый пилот разобрал почти неслышные слова:

– Ну, вот и свершилось... Как же долго я этого ждал...

Ренни тихо хмыкнул – он не ошибся, капитан Герсен прекрасно знал, что ищет. И нашел-таки. Знает ли только он этот самый пароль?

Капитан тем временем достал из нагрудного кармана формы странно изогнутый и изломанный небольшой предмет, похожий на выдумку безумного абстракциониста, от которого веяло чуждостью и невероятной древностью. Кто бы его ни создал – это были не люди, не гварды и не драконы. Да и на оставшиеся от эльфов и урук-хай подделки он совсем не походил.

Забившись в угол и стараясь сделаться как можно незаметнее, Ренни наблюдал за непонятными действиями капитана, зачем-то раздевшегося до пояса и приложившего непонятную штуковину к груди напротив сердца. Затем капитан начал не спеша произносить жутко звучащие ритмичные слова. Вокруг него появилась сеточка маленьких алых молний, приложенный к груди предмет низко загудел и, вырвавшись из рук Герсена, поднялся в воздух, окутавшись уже знакомым Ренни разноцветным туманом. Первый пилот кивнул своим мыслям – и в этом предположении не ошибся. Перед ним стоял маг. Один из тех, кого в галактике называли великими. Так кто же он такой, этот человек, именующий себя капитаном Герсеном? Но первый пилот не успел продолжить свою мысль, произошедшее следом совсем выбило его из колеи. Сами по себе включились динамики главного пульта, и скрежещущий голос рявкнул на архаичном *кэ-эльхе*⁹:

– Пароль и полномочия приняты! Флот «Возмездие» приветствует Повелителя! Какие будут приказания?

– Снять стазис-поле и маскировку! – хрипло каркнул Герсен.

– Приказ принят к исполнению.

Обзорные экраны мигнули, и Ренни едва сдержал крик изумления. Совершенно пустой космос за пределами планетной системы неожиданно взвихрился буйством красок, и вслед за тем в пространстве появилось бесчисленное множество кораблей. Впрочем, чтобы назвать эти странные штуковины кораблями, нужно было обладать изрядной долей фантазии. Что-то перекрученное, изломанное самым диким образом: при постройке этих чудовищ явно использовалась совершенно иная, нечеловеческая логика. И насколько же эти корабли огромны... Пожалуй, чужие звездолеты были лишь немногим меньше знаменитых дварх-крейсеров ордена. И

---

⁹ Кэ-эльхе – государственный язык княжества Кэ-Эль-Энах. Существует множество его диалектов, порой уроженцы планет с разных концов княжества с трудом понимают друг друга.

сколько их здесь... Тысячи, если не десятки тысяч. Но несколько из них были совсем иными и намного больше.

Ренни пожирал глазами неизвестный флот и постепенно понимал, кому и для чего мог понадобиться спавший миллионы лет боевой флот Предтеч. А в том, что это Предтечи, он уже не сомневался – обратная двойная спираль, плававшая на бортах чудовищных звездолетов, говорила сама за себя. Именно этим символом были украшены немногочисленные находки археологов, рывшихся на выгоревших в результате каких-то древних войн планетах. Цивилизация Предтеч погибла тогда, когда эльфы еще не слезли с деревьев, и никто не знал даже, как они выглядели, с кем и почему воевали. Только их знаменитые мета-корабли, уничтожающие все живое, продолжали бродить по галактике. И горе населенной планете, если на нее напарывался мета-корабль. После этого планета превращалась в оплавленный, безжизненный шар. А то и в пояс астероидов. Только десяток дварх-крейсеров ордена, собравшихся вместе, мог единым залпом гиперорудий уничтожить корабль-убийцу. Никто бы не поверил, что где-то спит в стагисе, ожидая своего часа, древний боевой флот. Человек, называвший себя Герсеном, поверил и нашел. И теперь десятки тысяч мета-кораблей готовы сорваться с места по его приказу...

– Что ж, малыш, – донесся до него голос капитана, – извини, но ты увидел то, чего тебе видеть не следовало.

Ренни в ошеломлении уставился на ствол плазмера, смотрящего ему в лоб. Капитан с интересом поглядывал на него, ожидая реакции.

– Подождите, шкип... – хрипло сказал Ренни. – Вам ведь понадобятся верные люди. А я...

– Что – ты?

– Я всю жизнь мечтал служить великому делу. Особенно этому делу!

– Какому же «этому»? – приподнял бровь капитан, смотря на первого пилота с еще большим интересом.

– Вы ведь хотите свернуть шею этим... – Ренни показал руками, как он что-то сворачивает. – Ордену.

– Хорошо, мальчик мой, очень хорошо... – протянул Герсен, опуская плазмер. – Что-нибудь еще понял?

– Да, господин маг. Ваша светлость... Вы аристократ, не только маг, я понял это довольно давно.

– Каким образом? – настороженно посмотрел на него капитан.

– Манеры. Иногда вы проявляли утонченность, особенно за столом. Еще некоторые штрихи в поведении, выдающие в вас прирожденного аристократа, с детства привыкшего поведовать.

– Но уловить эти нюансы может только тот, кто и сам...

– Да, – кивнул Ренни. – Я младший лорд из рода Дэр-Сэнах, Ринканг. После эскапад деда и отца мне не досталось вообще ничего, остатки состояния получил старший брат. Мне не осталось другого пути, кроме как уйти в космос. Жить на подачки родственников не захотел.

– Значит, – прищурился капитан, – ты внук Саэна Дэр-Сэнаха? Чем докажешь?

Ренни вздохнул, снял с шеи висевший на золотой цепочке фамильный гено-медальон, активировал и бросил капитану. Тот поймал и нажал на край медальона. На его поверхности появилось голографическое изображение Ренни и надпись: «Ренер Лох Кранер, младший лорд дома Дэр-Сэнах». На медальоне, конечно, была зафиксирована еще масса информации – генетический код, рисунок сетчатки глаза, отпечатки пальцев и многое другое, но капитан почему-то не стал просматривать все это. Он заметно подобревшим взглядом смотрел на Ренни и улыбался каким-то своим воспоминаниям. Никогда еще первому пилоту не доводилось видеть, чтобы капитан так улыбался.

– Когда-то, очень давно, Саэн спас мне жизнь, – почти неслышно сказал Герсен, – и долго был моим ближайшим другом, пока не вернулся домой и не женился. А до того мы с ним чего только не творили по молодости да глупости. Наверное, дед тебе рассказывал.

– Но ведь другом деда был граф...

– Молчать! – рявкнул капитан. – Дурень молодой, думай, что и где говоришь!

– Простите, сэр, – склонил голову Ренни. – Не подумал... Вы не убьете меня? Я пригужусь.

– Не могу же я убить внука человека, спасшего мне жизнь? – вздохнул Герсен. – Останешься жить. Но только с одним условием: полный вассалитет. И у тебя будет большое дело.

– Согласен! – кивнул Ренни. – Ради того, чтобы драться с орденом, я еще и не на то пойду!

– Хорошо, – кивнул капитан. – Помни о своих словах. И учти, к нам попасть можно, но вот если захочешь уйти – не получится. В последнем случае будет только этот выход.

Герсен погладил ствол плазмера. Потом посмотрел на замершего перед ним молодого мужчину и усмехнулся.

– Сейчас нам предстоит очень неприятное дело, – сказал он. – Мои люди уже ликвидировали часть экипажа. Остальные – наше дело. Мы не имеем права допустить, чтобы слухи об этом скоплении пошли гулять по кабакам галактики. Аарн внимательно прислушиваются к таким байкам и всегда их проверяют. А если они найдут флот...

– То станут еще сильнее, а мы окажемся в полной заднице, – согласился Ренни. – Я понимаю вас, сэр, и согласен, что иного выхода нет. Хотя смириться трудно. Жаль ребят...

– Жаль, – поморщился капитан, – но ни один из них не умеет держать свой болтливый язык за зубами.

Он достал откуда-то второй плазмер и бросил Ренни. Первый пилот поймал оружие и тяжело вздохнул. Что ж, все понятно, капитан хочет повязать его кровью. Но ради участия в войне с аарн можно уплатить и такую цену. Ах, если бы удалось сбросить с шеи ярмо проклятого Благими ордена, как бы это было здорово! Ненависть к аарн была у него зоологической, животной, при виде их черно-серебристой формы у Ренни, как и у многих других, возникало одно желание – убить, своими руками удавить надменного гада. Но не рисковал, конечно. Да и кто бы рискнул, зная, какое последует возмездие? Не находилось таких, несколько примеров бесчеловечной орденской мести оказались столь наглядны, что самые горячие головы задумывались, а стоит ли рисковать? И чаще всего понимали, что не стоит. Но теперь...

Капитан с первым пилотом шли по коридорам старого корабля, заходя в каждую каюту, обыскивая каждый закуток. Ренни стрелял в не ожидающих того людей, с которыми до того съел не один пуд соли, и ощущал себя последним подонком. На душе было мерзко, как никогда. Но он заставлял себя не думать и продолжал делать свое кровавое и страшное, но нужное дело.

Сколько продолжалась бойня, Ренни не мог сказать, но и она в конце концов закончилась. В живых остались только трое техников, понявших, что происходит, и забаррикадировавшихся в третьем трюме. С ними не стоило возиться, и Ренни открыл с пульта шлюзы, выбросив людей в открытый космос. Он старался не вспоминать их мгновенно лопнувшие глаза и залившиеся кровью лица, но еще много лет спустя бойня на старом корабле снилась ему по ночам, заставляя вскакивать с хриплым воплем ужаса.

Но это будет потом, а пока Ренни не думал об убитых, ему виделись картины взрывающихся дварх-крейсеров ордена, и он злорадно ухмылялся. О таком будущем и мечтал младший сын обедневшего дворянского рода, о великом деле, ради которого можно выкладываться по полной, не жалея ни себя, ни других. Теперь все впереди.

Он с горящими глазами следил за скрывающимся в стазис-поле древним флотом, следил за капитаном, или, точнее, графом, меняющим старый пароль на собственный генетический код, за тремя странными людьми в черных боевых доспехах, которых Герсен где-то прятал в

течение всего рейса. Ренни был пьян от восторга. Будущее ждало его, и каким станет это самое будущее, теперь зависело только от него самого.

Глава 2

Баг осторожно выглянул из-за кучи мусора. Слава Благим, банды Хрипуна сегодня не видно, можно поискать какие-нибудь объедки, желудок совсем подвело, дней пять в него не попадало ничего, кроме тухлой подземной воды. Впрочем, сам виноват – настолько увлекся новыми формулами, что забыл обо всем. Баг с нежностью погладил себя по груди, где, завернутые в грязную тряпицу, были спрятаны драгоценные листочки. Но этим утром голод все же выгнал его из привычного убежища в канализации. На вонь в подземельях юноша давно не обращал внимания, привык.

Баг, сколько себя помнил, всегда был одиночкой и жил на улице. Кем были его родители? Неизвестно. В империи Сторн люди исчезали за неосторожно сказанное слово, а их дети оказывались выброшенными на помойку, если их не «утилизировали» сразу. Так, по-видимому, случилось и с Багом, сам он этого не знал, да и знать не стремился. Ничего необычного в своей судьбе он не видел. Такой была судьба сотен тысяч других маленьких нищих и бродяг, которые, вырастая, пополняли собой преступный мир метрополии и остальных шестидесяти трех миров империи. В том числе и Риванга, планеты, где родился и вырос Баг.

От других уличных мальчишек он отличался тем, что походил на обезьянку, да еще тем, что у него была абсолютная память. Когда Баг подросток и понял, что он не такой, как все, ему пришлось научиться это скрывать. Иначе его могли попросту прибить или выдать Службе Очистки, которая усиленно отлавливала подобных ему для изучения и утилизации в своих жутких биолaborаториях. Читать он выучился самостоятельно, еще года в четыре, и с тех пор читал и запоминал все, до чего только мог добраться. Маленького дикаря не интересовали деньги, ему было все равно где жить и что есть. Набил живот, пусть даже гнилыми объедками, и ладно. Было бы что читать. Да еще чтобы никто не мешал размышлять над прочитанным. А когда однажды, лет в десять, Багу попал в руки старый, без обложки, учебник высшей математики, он понял, что теперь, кроме математических формул, его вообще ничего не интересует. Потом, правда, он открыл для себя квантовую физику и гиперфизику¹⁰.

Баг тихо захихикал, вспомнив, как это случилось. Тогда мальчишке как раз стукнуло четырнадцать, дату своего рождения он, как это ни странно, все-таки знал. Он совершенно случайно выбрался из канализационного люка посреди университетского парка и увидел группу студентов, пьющих вино и горланящих веселые песни. В сторонке они стопками свалили учебники. Книги! Увидев их, Баг не мог думать больше ни о чем. Подкравшись, он сцапал учебники по высшей математике и заодно прихватил начала квантовой физики и теорию гиперполя. Забравшись на дерево, он уселся в развилке и устроил себе самый настоящий пир – стал жадно поглощать новую информацию.

Студенты, повеселившись в свое удовольствие, вернулись к вещам и обнаружили, что библиотечные, очень дорогие, книги куда-то исчезли. Начались лихорадочные поиски и расспросы, за утерю потребуют заплатить немало, а стипендия даже в главном столичном университете Риванга никогда не была большой. Вдруг какая-то студентка отчаянно завизжала, показывая пальцем на одно из деревьев. Все посмотрели туда и остолбенели – на дереве сидело похожее на обезьяну существо, одетое в жуткие лохмотья, и с дикой скоростью перелистывало их учебники.

– Эй, ты, а ну отдай! – закричал кто-то и храбро кинулся к дереву, но тут же отскочил – такой вонью несло от оборванца.

---

¹⁰ Гиперфизика – в обитаемой галактике под этим термином понимают физику гиперпространства, включающую в себя теорию гиперполя.

Баг решил поиграть и принялся по-обезьянни прыгать по дереву и ухать, не прекращая, впрочем, при этом читать и запоминать. Он не разбирался пока в прочитанном, просто закладывал в память, чтобы разобраться на досуге. Квантовая физика открыла мальчишке столько нового, что привела его в щенячий восторг. Прочитанные книги он бросил вниз, попал кому-то по лбу и был осыпан сердитой бранью. Забравшись еще выше, Баг уселся в развилке ветвей и принялся поглощать «Теорию гиперполя». На крики студентов он больше не обращал внимания.

– Эй, вы, там, наверху! – привлек через некоторое время его внимание густой бас.

Баг глянул вниз и увидел смеющегося толстого, чернобородого, уже пожилого мужчину. Студенты обступили его и кричали, что эта обезьяна украла и испортила книги.

– Вот посмотрите, профессор Бенсон, он мне прямо в лоб учебником засветил, – жаловался пострадавший.

– Гм... – покрутил головой профессор. – Впервые сталкиваюсь с таким методом преподавания интегрального исчисления.

– А дурная голова по-другому интеграл и не возьмет! – весело прокомментировал с дерева Баг.

– Вы думаете? А кстати, чем вас так заинтересовала моя книга, уважаемый? – поинтересовался у него профессор, показывая на учебник, который мальчишка держал в руках.

Баг посмотрел на обложку – действительно, Рогар Дж. Бенсон. Этот бородатый и написал так захватившую его книгу? Как интересно! Мальчишка даже спустился ниже, чтобы посмотреть поближе на этого дядьку. Вот только в выводе профессор ошибся... И Баг не выдержал.

– А у тебя, – заявил он, – на сто восемнадцатой странице вывод неправильный. Ты там ноль связал по шестимерности, а надо по двенадцати. Тогда энергии на переход, при изменении дельта, икс семнадцатое и ве третье на порядок, тратится в эн раз меньше.

Профессор Бенсон потрясенно остановился и застыл, обдумывая сказанное оборванцем. Через несколько минут он улыбнулся, а еще спустя короткое время пришел в восторг. Это существо полностью право: какое элегантное решение! Как он сам этого не увидел? Он не увидел, а какой-то грязный оборванец увидел. Так не бывает! Разве что перед ним гений.

«Впрочем, – мелькнула у профессора горькая мысль, – сколько детей «врагов человечества», талантливейших детей, оказалось на улице...»

Как помочь, он не знал – подобных этому существу попросту уничтожали, если они не прятались, как крысы. А ведь если сейчас, не имея образования, мальчишка может такое, то что из него получится, если обучить его соответствующим образом? Надо попробовать как-то заманить беднягу к себе и хотя бы накормить по-человечески – эти несчастные не доверяют никому и никогда.

– А как тебя зовут? – спросил профессор. – Что ты любишь?

– Багом кличут, – отозвался оборванец. – Люблю книги.

– И что, ты все прочитанное помнишь?

– Конечно, – удивился мальчишка, – а ты что, не так?

– Увы мне, – развел руками профессор. – Кстати, у меня много книг есть. Хочешь почитать?

Баг мгновенно забыл об осторожности, спрыгнул с дерева и подошел к профессору, выронив по дороге прочитанный учебник.

– Профессор, а зачем вам эта обезьяна? – с изумлением спросил кто-то.

– Это гений, – коротко пояснил тот и повел Бага за собой, оставив за спиной переглядывающихся студентов.

Они шли по аллее к университетскому городку, и профессор осторожно расспрашивал Бага о его жизни, постепенно приходя в ужас. А потом они заговорили о науке, и профессор пришел в восторг. Мальчишка на ходу схватывал любую математику и высшую физику, тут

же дополняя рассуждения профессора, и видел такое, чего в упор не видел сам Бенсон. Это казалось удивительным, профессор даже несколько завидовал, но уже считал своим долгом как-то вытащить юного гения из ямы, в которой тот оказался. Правда, как это сделать, не знал – Служба Очистки утилизировала детей «врагов человечества» в первую очередь и без всякой жалости. В мирах Сторна людям настолько промывали мозги, что даже во время Поиска аарн мало кто решался выкрикнуть Призыв, ведь если человека не брали, то Служба Очистки делала его дальнейшую жизнь невыносимой. Только за то, что тот попытался вырваться из-под их власти. Но все равно Бенсон намеревался не дать этому отчаянно воняющему дарованию сгинуть в катакомбах, слишком его поразил полудикий мальчишка.

Так, разговаривая, они и не заметили, как подошли к Академгородку. Баг никогда не рисковал приближаться к таким вот охраняемым зданиям. Швейцары сразу вызывали Службу Очистки, и мало кому из изгоев удавалось после этого остаться в живых. А то и стреляли сами. Но теперь Баг был не один, профессор подвел его к двери огромного, по мнению мальчишки, дома, у дверей которого застыл импозантный швейцар, надменно поглядывающий вокруг. Судя по его лицу, он был полностью доволен жизнью и самим собой. Но при виде профессора вся его важность исчезла без следа, и швейцар изогнулся в угодливом поклоне. Правда, еще через секунду он увидел Бага, выглянувшего из-за спины Бенсона. Тут же на жирном лице швейцара отобразилось отвращение, он зажал пальцами одной руки нос, а второй замахал на мальчишку. Тот быстро отскочил в сторону и стал там, настороженно поблескивая глазами.

– Профессор! – полузадушенно просипел швейцар. – За вами животное увязалось! Вот же вонючая тварь, никак их не перебьют. Вы не беспокойтесь, я сейчас Службу Очистки вызову, они с ним живо разберутся.

– Он со мной! – отрезал Бенсон. – Дайте пройти, мальчишка нужен мне для экспериментов.

– Но...

– Не лезьте не в свое дело!

Швейцар пожал плечами и дал им пройти, отшатнувшись, когда мимо него осторожно пробирался Баг. Зато после того, как профессор со своим странным сопровождающим исчез в лифте, швейцар пару минут подумал, а затем включил инфор и набрал давно и хорошо знакомый ему номер.

Баг, ошеломленно раскрыв от изумления рот, стоял на пороге кабинета профессора Бенсона. Книги... Он даже представить никогда не мог, что может быть столько красивых и больших книг. А сколько всего интересного в них должно быть написано?! Читать не перечитать... У мальчишки даже руки затряслись от жадности, и он рванул к полкам, но профессор успел поймать его за руку.

– Пока не помоешься, к книгам не подпущу! – сообщил он ошеломленному Багу.

– Не хочу! – подпрыгнул от столь изощренного коварства тот.

– Тогда и читать не будешь.

Баг скривился. Мыться... Какой кошмар! Ну зачем, скажите, человеку мыться, когда и так все хорошо? Непонятно, совсем непонятно. Собственный запах мальчишке нравился, и он никак не мог взять в толк, отчего при его приближении люди сразу шарахаются. Но ради драгоценных книг готов был даже на такую великую жертву, как купание. Поэтому, тяжело вздохнув, поплелся вслед за профессором в ванную. Мытье Багу очень не понравилось – пена от шампуня щипала глаза и было слишком много воды, но он мужественно терпел, что-то глухо шипя сквозь зубы. Бенсон заставил его переодеться в нормальную одежду, выбросив жуткие лохмотья, хотя мальчишка и сильно протестовал против этого. А после стрижки Баг вообще стал выглядеть почти по-человечески, хотя все равно оставался похожим на обезьяну, да и вел себя соответственно. Он не нравился самому себе после этого самого мытья. Баг не чувствовал

собственного запаха, что было непривычно и ужасно раздражало. Но какое это имело значение, когда его ждали книги? Тысячи книг!

Наступили самые счастливые месяцы в жизни уличного мальчишки. Баг читал, читал и читал. А профессор Бенсон помогал ему систематизировать полученные знания. Он учил юного гения всему, что знал сам, и наслаждался общением с этим живым, непосредственным умом. Мальчишка схватывал информацию на лету, для него не существовало трудностей – Бенсон уже понимал, что гении такого уровня появляются раз в тысячу лет, если не реже. А какие элегантные решения предлагал Баг для любых, самых запутанных физико-математических проблем... За каких-то два месяца он наработал на несколько пангалактических премий. Но Бенсон боялся легализовывать его, ведь Баг из диких. Он старался не выпускать юное дарование из дома, а Багу только того и надо было. Он отъелся, перестал прыгать по комнате с дикой скоростью. Чтобы занять его ум, Бенсон познакомил Бага с инфосетью, и восторгу мальчишки не было предела. Он быстро научился обращаться с компами и искать нужное в сети. Даже изучил программирование, осознав преимущество численных методов. Теперь Бага и за уши было не оттянуть от терминала.

Увы, идиллия закончилась быстро и очень страшно. В одну из ночей профессора Бенсона разбудили непрекращающиеся звонки в дверь. Баг, как обычно сидевший за терминалом, немедленно насторожился, подсознательно почувствовав какую-то опасность. Годы в канализации донельзя обострили интуицию изгоя, и он всегда был крайне осторожен. Стукнула дверь, и голос профессора спросил:

– Кто вы? Что вам нужно?

– Служба Очистки! – ответил уверенный, напористый мужской голос. – Вы профессор Рогар Бенсон?

– Да.

– Именем императора! Вы арестованы за пособничество врагам человечества!

– Вы с ума сошли! Я ученый...

Раздался звук удара и приглушенный стон. Баг все понял и бесшумно открыл окно. Опять прислушавшись, он услышал, как тот же уверенный голос приказал кому-то:

– Дексон, у этой сволочи живет мальчишка-животное. Найди и пристрели.

Пискнув от ужаса, Баг свечкой выпрыгнул в окно с четвертого этажа. Он приземлился на руки, мягко, по-обезьяньи, перекатился по траве и на четвереньках помчался во всю прыть от дома, где ему было так хорошо. По беглецу стреляли из окна, но мальчишка бежал зигзагами, поэтому его ранили только в ногу – Баг успел прыгнуть в канализационный люк. Туда никто из гвардейцев Службы Очистки соваться не рискнул, только бросили пару газовых гранат. Но гранаты не повредили Багу – он уже находился далеко от этого места, с дикой скоростью пробираясь по знакомым с раннего детства переходам. Забившись в известный только ему угол на самом глубоком уровне, Баг принялся зализывать рану. Ему повезло – выстрел плазмера только прожег аккуратную дыру в мякоти ноги, не затронув кость. Немного отойдя от ужаса, он тихо заплакал...

Около месяца Баг отлеживался, питаясь пойманными крысами, которых ел сырыми. Но беспокойство о профессоре, которого мальчишка за месяцы жизни с ним успел полюбить всей душой, не давало покоя. И он, рискуя жизнью, все же несколько раз пробирался в Академгородок и подслушивал разговоры людей, надеясь выяснить хоть что-нибудь о судьбе Бенсона. Однажды ему повезло – мальчишка узнал, что старый профессор объявлен «врагом человечества» и сослан в дальние северные лагеря валить лес. Даже такие изгои, как Баг, слышали об этих страшных лагерях и предпочитали быть убитыми на месте, чем попасть туда. Но что мог поделывать четырнадцатилетний дикий мальчишка? Ничего, кроме как плакать. Он и плакал довольно долго, вспоминая доброту и ум своего учителя, как уже давно, про себя правда, называл профессора Бенсона. Однако жизнь постепенно брала свое.

Так Баг и прожил эти три года, почти не выбираясь наверх. Только если не удавалось поймать ни одной крысы, он осторожно прокрадывался наружу и лазил по близлежащим помойкам, разыскивая какие-нибудь объедки. Все остальное время проводил у себя внизу, систематизируя полученные знания и размышляя о новых свойствах пространства-времени. Особенно понравившиеся формулы и доказательства недоказанных ранее теорем он даже записывал на клочках бумаги. Порой собственной кровью. Вот только еду в последние полгода стало добывать все труднее и труднее. В округе появилась банда Хрипуна, который почему-то страшно невзлюбил Бага и всегда избивал, если только мог поймать. Хрипун и его подручные являлись такими же изгоями, как Баг, но они были тупы, подлы и жестоки. Мальчишка, – нет, уже юноша – старался избегать их, как мог. Тем более что в последнюю встречу Хрипун заявил, что если Баг еще раз попадется банде на дороге, то его забьют насмерть.

Воспоминания о профессоре вызвали неожиданные слезы, которые еще не высохли на глазах, когда его нос уловил запах каких-то мясных объедков. Баг тенью метнулся мимо куч мусора на запах, стараясь быть как можно незаметнее. Судя по запаху, объедки совсем свежие, и юноша облизнулся в предвкушении. Он выскочил из-за очередной кучи и угодил прямо в объятия банды Хрипуна, пожирающей что-то у стены.

– Попался, падла! – сильный удар в живот отшвырнул Бага к стенке. – Я ж те говорил, сука поганая, шоб ты мне на дороге не попадался? Говорил?

Баг в ужасе огляделся вокруг. Банда Хрипуна окружила его, зажав в углу между стенами полуразрушенного сарая. Сам вожак, поигрывая обрезком железной трубы, стоял прямо перед ним и гнусно ухмылялся. Путь отступления не было. Юноша отчаянно завизжал и кинулся вперед, надеясь проскочить между бандитами и удрать. Не вышло... Несколько ударов свалили его на землю, и подонки принялись избивать Бага ногами. Он изо всех сил уворачивался от ударов, крича от боли. Хрипун внезапно наклонился, сунул ему руку за пазуху и достал оттуда стопку листов с драгоценными формулами. Тут уж Баг взвыл и вцепился в листки.

– Отдай, – кричал он. – Мое!

Хрипун ударил его каблуком в лицо и развеял листки по ветру. Баг изо всех сил пытался ловить их, но удары сыпались на него один за другим.

Ли Инь с отвращением осмотрелась вокруг. И как ее угораздило забрести на эту отвратительную помойку? Где она неправильно свернула? Паскудная империя! Здесь все похоже на эту свалку! Отвращение еще сильнее завладело душой женщины, когда она вспомнила сегодняшний день. Ли предпочла бы никогда не покидать Аарн Сарт и не видеть внешнего мира. На родине ее давно никто не ждал, все друзья и родные были только из числа аарн. Если бы не желание найти профессора Бенсона, она никогда бы не прилетела на эту нищую планету. Впрочем, в империи Сторн все планеты были нищими. Правители империи оказались настолько глупы, что самых талантливых своих людей объявляли «врагами человечества» и уничтожали. Как эта злосчастная империя до сих пор еще не развалилась? Этого Ли не понимала, да и понимать не хотела.

Она являлась физиком и возглавляла Институт гиперфизики на Елисиане, прямо в центре звездного скопления Аарн Сарт. Уже три года профессор Рогар Бенсон, которого женщина бесконечно уважала и почитала за своего учителя, не отвечал на письма, и Ли начала беспокоиться. Когда даже официальные запросы от имени института ничего не дали, она решила в очередной отпуск отправиться во внешний мир и попытаться разыскать профессора.

Под ноги попало что-то мягкое, вонючее, и Ли снова выругалась. Надо как-то выбираться отсюда, только как? Пожалуй, стоит вызвать флаер, надоело идти пешком. Но как в этой забытой Благими империи можно вызвать такси? Этого она не знала и в который раз помянула в сердцах все четыре хвоста Проклятого. Снова вспомнилось сегодняшнее утро, и Ли заскри-

пела зубами. В местном университете, где, как она знала, работал Бенсон, ей сказали, что профессор переехал и не оставил никаких координат. Но такого просто не могло быть!

Скользкие типы из секретариата юлили, как только могли, ничего конкретного из них выдавить так и не удалось. «Не извольте беспокоиться, госпожа профессор, ежели господин Бенсон объявится, то мы сразу вам сообщим!» И так далее, и тому подобное... В конце концов Ли все это надоело, она, разъяренная донельзя, вышла из университета и пошла куда глаза глядят. Так на эту вонючую свалку и забрела.

До слуха донесли крики, и Ли глянула в ту сторону. Ну, конечно! Группа местных избивала какого-то несчастного, такого же оборванца, как они сами. Будь прокляты эти сторны, как же здесь мерзко! За десятилетия жизни в среде ордена Ли успела забыть, что в мире существуют подлость и жестокость, и теперь, столкнувшись с ними в мире пашу, очень страдала.

Женщина растерянно замерла на месте, не зная, что ей делать. Полицию вызвать? Но как здесь вызвать полицию? Она опять-таки не знала. Краем глаза Ли видела, как у избиваемого вырвали какие-то грязные разлохмаченные бумаги и пустили по ветру. Несчастный как будто сошел с ума после этого, он пытался поймать эти бумаги, не обращая никакого внимания на удары, сыплющиеся на него со всех сторон. Не выдержав такого издевательства над живым человеком, Ли рванулась к оборванцам, даже не думая, что это может оказаться опасным для нее самой, и крикнула:

– Сейчас же прекратите, скоты!

Избивающие начали оборачиваться. Единственное, что они поняли, – перед ними стоял человек в форме с кобурой плазмера на боку. А каждый из изгоев твердо знал одно – человек в форме сразу стреляет, и они, подобно стае крыс, бросились в разные стороны.

Слава Благим! Ли облегченно улыбнулась и направилась к избитому – оказывать первую помощь умел каждый аарн. В этот момент один грязный листок принесло ветром прямо к ней, и он прилип к рукаву формы. Ли хотела брезгливо отряхнуть руку, но ее взгляд упал на написанное на этом листке. А написаны там были формулы гиперперехода, но какие-то странные.

Женщина мгновенно забыла обо всем на свете, всмотрелась внимательнее, и у нее полезли глаза на лоб – формулы оказались незнакомы, это было что-то новое! Странно, а она-то считала, что в курсе всех ведущихся в обитаемой галактике разработок... Ли быстро просмотрела написанное мелким почерком и ахнула, изумленная строгостью и красотой вывода. Кто-то сотворил чудо, и следовало из этих формул столько всего интересного, что захватывало дух. Непонятно только, как этот кто-то ухитрился вывести их. Наверное, вывод на остальных разносимых ветром листках, и женщина кинулась ловить их. Она успела понять, что если использовать уже увиденное, то энергии на гиперпереход понадобится на целый порядок меньше! А ведь на этом листке только часть. К сожалению, поймать удалось далеко не все листы, по разрозненным фрагментам почти ничего не было понятно. Наверное, несчастный парень знает того, кто сделал это величайшее открытие, равное самому открытию гиперперехода!

Ли подошла к избитому, пытающемуся отползти от нее человеку. «Совсем еще мальчишка...» – мелькнула сочувственная мысль. Но тут он увидел в ее руке листки, которые Ли собрала по дороге. Те, что смогла найти, конечно. Что-то изменилось в лице несчастного, он протянул к женщине руку и просипел:

– Отдай... Мое...

– Подожди, я помогу тебе. Не бойся меня...

Ли осторожно провела над лицом избитого ладонью, снимая боль и лихорадочно припоминая, чему ее учили на курсах первой помощи перед отправкой во внешний мир. Слава Благим, вспомнила. Да и в аптечке нашлось нужное лекарство, которое она заставила парня выпить. С большим трудом заставила, он все порывался выплюнуть безвкусную капсулу, не

понимая, что это такое сунули ему в рот. Но все-таки в конце концов проглотил. Вскоре дыхание избитого выровнялось, лицо порозовело.

«Помыться бы тебе, человеке...» – подумала женщина, едва сдерживая позывы к рвоте от кошмарной вони, которой несло от парня. Будто в дерьме купался. Поняв, что больше ничем пока помочь не в силах, Ли показала ему листки и решила спросить:

– Откуда у тебя это? Кто это вывел? Я хочу встретиться с этим человеком.

– Мое...

– Ты хоть понимаешь, что это за формулы? – растерянно спросила Ли. – Они ведь уменьшат потребление энергии при гиперпереходе на порядок. Они вообще используют другую физику перехода!

– Не на порядок, – возразил избитый оборванец. – На четыре порядка. Особенно если ввести фазовую вариативность состояния q -энергетики и изменить частоту преобразования n -мерности на многомерных выходах q -контуров. Я еще не все закончил...

– Что? Фазовую вариативность? Но это же невозможно! – отшатнулась женщина, изумленная странной идеей, но тут же взяла себя в руки – нужно знать весь вывод, чтобы объявить это возможным или нет. – Так это ты вывел эти формулы?

– Я... – и он закашлялся.

– Но откуда?.. – Изумлению Ли не было предела: никак не походил этот оборванец на ученого. – Кто тебя этому учил?

Перед глазами Бага от этого вопроса снова возникло лицо учителя, и он едва не заплакал. Избитое тело болело, зато живым остался. Ничего, отлежится, не впервые. Это что же получается, эта женщина понимает его формулы? Он так давно не говорил ни с кем об этом...

– Профессор, – Баг смог наконец выдать из себя ответ на вопрос.

– Профессор... – задумчиво повторила Ли.

В голове аарн заворочалось нелепое подозрение. Она знала только одного профессора, способного научить кого-либо такому.

– Профессор Бенсон? – осмелилась предположить она.

– Ага...

– Проклятые сторны! – в сердцах выругалась женщина. – Ученик профессора Бенсона на этой свалке?! Да что же у них здесь творится?!

– А я всегда тут жил... – наивным взглядом посмотрел на нее Баг. – Меня Багом кличут. Ты отдашь мне мои формулы?

– Конечно, – закивала Ли. – Только не можешь ли ты объяснить мне, как получил вот это?

Она ткнула юноше под нос один из листков. Баг радостно улыбнулся и с удовольствием, несмотря на боль в избитом теле, принялся объяснять. Ли слушала его со всевозрастающим изумлением. Такой кристальной ясности ума и при этом нестандартности, парадоксальности мышления гиперфизик не встречала еще никогда и ни у кого. Перед ней сидел гений, причем гений такого уровня, что даже сравнивать его было не с кем. Неудивительно, что Бенсон обратил на него внимание. Удивительно, если бы это оказалось не так. Но тогда почему он живет на свалке?! Профессор не должен был такого допускать! Если только сам жив. Она далеко не все поняла в выводах этого юноши, Бага, кажется, но твердо знала другое – его здесь оставлять нельзя. Ведь если бы не она, беднягу уже забили бы насмерть. Вот только нужно узнать, что с Бенсоном.

– А ты не знаешь, где профессор? – спросила Ли. – Я специально прилетела, чтобы встретиться с ним, но мне никто не говорит, куда он подевался.

– Он... – На глазах Бага появились слезы, и женщина заledenела от этого. – Его... это... «врагом человечества» объявили... В северные лагеря сослали... Я едва сбежать успел, они меня пристрелить приказали...

Баг зашмыгал носом, и Ли обняла его, не обращая больше внимания на жуткий запах, идущий от бедняги. В ее душе klokотал гнев. Сослали... Но ведь профессор может быть еще жив! Его надо освободить, освободить любой ценой. В конце концов, она – аарн, за ней стоит вся сила ордена! И пусть дрожат эти сволочи. Ли сжала зубы и активировала гологипертерминал.

– Срочная связь лично с Командором, – жестко приказала она. – Нулевой приоритет!

– Есть связь, – ответил мужской голос приятного тембра. – Генетическое сканирование проведено, вы имеете право доступа. Подтвердите, пожалуйста, нулевой приоритет.

– Подтверждаю.

Прошло еще около минуты, и перед ошеломленным Багом распахнулся голоэкранный гиперсвязи. Оттуда на них с тревогой посмотрел не очень высокий мужчина с длинными русыми волосами, стянутыми в хвост на правом виске, пронзительными серыми глазами и худым, нервным лицом. На вид лет тридцати. Одет он был в такую же черно-серебристую форму, как и Ли. С удивлением посмотрев на оборванного и грязного Бага, мужчина сказал:

– Здравствуй, сестра! Ты ведь Ли с Елисианы? Гиперфизик?

– Да, Мастер! – склонила голову женщина, с радостью и любовью смотря на него.

– Что случилось? Почему нулевой приоритет?

– Беда случилась...

– Рассказывай, – коротко приказал он.

– Ты ведь слышал о профессоре Рогаре Бенсоне, Мастер? – спросила Ли.

– Конечно. И очень уважаю этого выдающегося ученого.

– Его объявили «врагом человечества» и сослали в лагерь.

– Вот как? – Глаза Командора сузились, в них загорелся желтый огонек, при виде которого Багу сразу захотелось забиться куда-нибудь поглубже. – Что еще?

Пока Ли рассказывала все по порядку, губы его сжимались сильнее и сильнее, видно было, что он едва сдерживает гнев.

– Я знаю, что сейчас в пределах империи нет ни одного корабля, ведущего Поиск, – сказала в конце рассказа женщина, – но прошу тебя разрешить принять этого юношу. Это гений такого уровня, что я даже не знаю, с кем его вообще можно сравнить. Это что-то невероятное!

Баг слегка удивился, услышав о себе столь лестный отзыв, и гордо выпятил грудь. Командор с доброй улыбкой посмотрел на него и сказал:

– Я рад приветствовать тебя, будущий брат.

– Привет! – ухмыльнулся юноша.

– Мне нужна помощь, – вмешалась Ли. – Я хочу вытащить профессора из лагерей, если он еще жив, и забрать к нам. Или туда, куда он сам захочет.

– В двадцати парсеках от Риванга находится флагманская эскадра Сина Ро-Арха, шесть дварх-крейсеров и двенадцать эсминцев, – кивнул Командор. – Они сейчас же отправляются в вашу сторону. Делай все, что сочтешь нужным. Постарайся только, чтобы не пострадали невинные.

– Спасибо, – улыбнулась женщина. – Не мог бы ты еще прислать кого-нибудь, кто умеет обращаться с этими проклятыми чиновниками?

– Отчего же нет? – засмеялся Командор и повернулся куда-то в сторону: – Дварх-лейтенанта Тину Варинх на связь, пожалуйста.

Еще через минуту рядом с лицом Командора появилось решительное лицо красивой девушки с черными волосами, заплетенными в косу. Она с не меньшей любовью и преданностью, чем Ли, посмотрела на него и спросила:

---

¹¹ Голоэкранный – голографический экран. Технологией, способной открывать подобные экраны в любом нужном месте, даже просто в воздухе, обладал только орден Аарн.

– Я тебе нужна, Мастер?

– Да, девочка, – кивнул он. – Я прошу тебя помочь нашей сестре.

Командор коротко рассказал о случившемся. Лицо Тины стало жестким, она прищурилась и с интересом оглядела Бага. Затем кивнула чему-то своему и сказала:

– Я предлагаю всем перейти на борт флагмана Сина Ро-Арха, он уже в пределах досягаемости гиперпортала, принять Бага, и уже втроем, имея в руках страшилку в виде эскадры над планетой, высаживаться в столице. Я поговорю с директором планетарной Службы Очистки Риванга. И пусть молит Благих, чтобы профессор оказался жив.

Она столь многообещающе усмехнулась, что Бага передернуло. Почему-то юноше очень не хотелось оказаться на месте вышеуказанного директора. Спасшая его женщина еще о чем-то говорила с Командором, но юноша не слушал. Значит, ему предлагают стать аарн? Даже изгой слышали об ордене и о том, как боятся его в обитаемой галактике. Но главное, у него снова будут книги, столько книг, сколько захочет! И инфосеть. Будь что будет, но Баг не упустит шанса посмотреть, как Службу Очистки заставят дрожать.

– Идем! – прервал его размышления голос Ли, и юноша посмотрел на нее.

Неподалеку пылал черным огнем похожий на воронку провал в пространстве. «Прямой гиперпереход...» – зачарованно подумал юноша, вглядываясь в непроглядную тьму портала. Багу бесконечное количество раз доводилось описывать гиперпереход в формулах, но видеть его воочию он раньше никак не мог. Юноша осторожно ступил вслед за Ли в провал, и ему вдруг показалось, что тело мгновенно растянули на миллионы и миллионы километров. Какое-то мгновение, и все закончилось. Баг ошеломленно оглянулся – он стоял в сверкающем ослепительной чистотой светло-сером коридоре. Спокойные цвета радовали глаз и успокаивали возбужденные нервы. Видимо, множество дизайнеров с великолепным вкусом поработали здесь.

Гостей встречал невысокий пожилой уже человек с изборожденным морщинами суровым лицом. При виде гостей это лицо осветила добрая улыбка, и вся его суровость куда-то подевалась.

– Здравствуй, сестра! – слегка наклонил он голову в сторону Ли. – И ты здравствуй, будущий брат. Мое имя – Син Ро-Арх, я дварх-адмирал первого атакующего флота ордена Аарн. Наша эскадра будет у Риванга через два стандартных часа. Мы на флагмане флота – «Пути Тьмы».

Адмирал отвел их в какую-то светлую и очень красивую комнату, где Бага заставили мыться. Юноша недовольно бурчал себе под нос, но, понимая уже, что его запах не нравится другим людям, не протестовал. А потом гостя одели в такой же черно-серебристый комбинезон, как у всех окружающих, и повели куда-то по коридорам крейсера. Он с интересом осматривал сам себя – все как у остальных, только Око Бездны¹² на левом плече было тусклым. Шли недолго. В небольшом круглом зале юношу ждали несколько человек, в том числе и девушка, которую он видел по гиперсвязи.

– Баг! – обратился к нему Син Ро-Арх. – Готов ли ты слушать песню серебряного ветра звезд? Согласен ли принять путь ордена Аарн? Если да – скажи три слова: «Аарн ил Аарн!»

Дрожа от волнения, юноша произнес Призыв. Его окутало какое-то белесое силовое поле. Через мгновение прозвучал переливчатый сигнал, похожий на торжествующую птичью трель, и все люди в зале заулыбались.

---

¹² По понятиям аарн, Бездна – первоначальное состояние духа и материи. Изначально существовал Создатель в Бездне, из нее Он и создал бесконечное число Вселенных. Философы ордена часто задаются вопросом, что было вначале – Создатель или Бездна. Но все сходятся на том, что Бездна включает в себя все сущее. Одним из древнейших народов были эл'рнэ, чем-то напоминавшие современных драконов. Они триллионы циклов назад покинули физический и духовный план бытия, поднявшись почти на уровень божества и слившись с Бездной, став ее коллективной душой. Когтистая рука эл'рнэ и изображена на эмблеме ордена поддерживающей Око Бездны, тоже напоминающее собой вид глазного яблока существ этого вида. Считается, что Бездна видит все и всегда, но редко когда вмешивается. Ее вмешательство почти равносильно личному вмешательству Создателя.

– Наш! – обратилась к Ли Тина. – Он действительно ничего не хочет для себя! Вообще ничего! Только о своих формулах и думает.

На плече Бага медленно разгоралась и оживала эмблема ордена. Аарн по очереди подходили и обнимали нового брата, доброжелательно улыбаясь ему. Юноша даже не подозревал, что кто-то может с добротой относиться к такой, как он, обезьяне... Ощущение того, что он дома, среди тех, кто его любит и уважает его, ударило по нервам столь сильно, что Баг не выдержал, сел в уголке прямо на пол и тихо заплакал. Ли кинулась было к нему, утешить, но адмирал придержал ее.

– Не надо, – шепотом сказал старый, много повидавший человек. – Ему необходимо выплакаться. Он никогда еще не ощущал себя своим среди своих, его никто и никогда не любил и не уважал. Мне это хорошо знакомо...

И старик грустно улыбнулся каким-то своим воспоминаниям.

Директор Департамента Службы Очистки планеты Риванг неспешно пил миск, наслаждаясь вкусом и запахом настоящего «Гравдо», доступного только самым богатым людям сорта, поставляемого, конечно же, мирами ордена. Сегодня предстояло много работы: несколько высокопоставленных чиновников стали мешать планам сил, чьи интересы представлял он сам, Сирин Дарган, а потому им вскоре предстояло стать «врагами человечества». Он тихо захихикал про себя – тот, кто придумал эту концепцию, был просто гением. Когда никто не уверен в завтрашнем дне, людьми совсем несложно управлять, они готовы на все, чтобы всего лишь выжить. И Служба Очистки всю этим пользовалась. Сам император Даргет V вынужден был считаться со своей службой безопасности.

Сирин много сил и времени потратил, чтобы подняться до нынешнего положения: подличал, предавал и убивал без счета. Зато теперь ощущал себя в полной безопасности – у него имелся компромат на всех своих начальников, и никто из них не мог причинить ему вред без серьезных последствий для себя.

– Господин директор! – прервал его размышления вопль из инфора, и Сирин нахмурился – никто из подчиненных не смел беспокоить шефа во время ленча без очень серьезных на то оснований.

– В чем дело, Лэнс? – спросил он, увидев на мониторе холеное, но донельзя перепуганное лицо своего заместителя.

– Аарн... – с трудом выдавил тот.

– Что – аарн?! – раздраженно рявкнул директор. – Толком говори, не мычи!

– На орбите шесть дварх-крейсеров ордена... – простонал Лэнс. – Флагманская эскадра первого атакующего флота, личная эскадра самого Сина Ро-Арха. Того самого... Черного Палача. Все каналы гиперсвязи планеты наглухо перекрыты. По всем признакам, готовится десантирование...

– Что за скотство! – грохнул кулаком по столу Сирин. – Надо же, именно сейчас! Что этим сволочам надо?!

– Я не знаю, господин директор... – чуть не заплакал заместитель. – Они не отвечают на вызовы.

Директор Департамента задумался. Дураком он не был, дураки в их среде не выживали. Что нападение аарн могло значить для него самого и нельзя ли это как-то использовать для собственной выгоды? Если их планета чем-то вызвала недовольство могущественного ордена, из-за чего будут неприятные последствия для всей империи, то его с дерьмом смешают и в землю втопчут за это. Но что могло вызвать их недовольство? Не дай Благие, если кто-нибудь из здешних обидел или, хуже того, убил кого-то из аарн...

– Лэнс, – снова обратился он к заместителю, – кто из ордена сейчас на Риванге?

Тот ненадолго отвлекся, просматривая что-то на своем терминале, затем сообщил:

– Только двое. Рагер Стоун гостит у своих родителей в городе Моренг, сейчас находится дома. И Ли Инь, физик, профессор, посещала главный университет столицы, искала некоего Рогара Бенсона. Сейчас...

И он замолчал.

– Так где она сейчас? – с нетерпением спросил Сирин.

– Неизвестно... – глухо ответил Лэнс, на его лице была написана паника. – Она вышла из университета и исчезла. Кажется, забрела на свалку...

– Идиоты... – застонал директор, схватившись за голову. – Законченные идиоты... Там же животные водятся, дикари! Им что аарн, что ты – все одно!

Но тут же заставил себя успокоиться и принялся обдумывать сложившееся положение. С орденом шутки плохи – если на какой-либо планете любому из них был причинен хоть малейший вред, на эту планету без промедления обрушивалась вся их сила. И горе ее правителям, если истинные виновники происшедшего еще не были пойманы...

– Всех свободных людей на эту свалку! – приказал он. – Брать все, что движется! Животных – уничтожать на месте. Найдите мне эту Ли Инь любой ценой! Виновных в том, что упустили ее, – в распыл.

– Будет сделано, господин директор! – кивнул Лэнс, обрадованный, что ему указали конкретную задачу, и исчез с монитора.

Сирин опустил голову на кулаки и снова задумался. Да, неудачно складывается. Только бы эта дура-профессорша оказалась живой, если иначе – последствия могут быть любыми, но ничего хорошего лично ему не светит. Вдруг все вокруг затряслось, странная, рваного ритма, дикая для слуха музыка ударила по нервам, директор даже подпрыгнул от неожиданности. Высадка десанта ордена.

– Сволочи... – прошипел он, скрипя зубами от бессильной ненависти. – Знают, что мы ничего сделать не можем, и изгаляются...

Компьютер по мелодии определил высаживающееся подразделение – это были «Коршуны Ада», один из самых страшных, самых безжалостных легионов. Впрочем, никого иного дварх-крейсера флагманской эскадры Черного Палача и не могли нести. Прямо в боковое окно директор увидел провал гиперперехода и вылетающих оттуда на антигравитационных досках аарн в черных зеркальных доспехах. Их выучка всегда изумляла Сирина, ему всего трижды довелось наблюдать десантные операции ордена, и каждый раз оставалось только восхищаться – все выполнялось безупречно. Настолько безупречно, насколько это вообще было возможно. Одного только никогда не мог понять директор – легионеры ордена почему-то почти никогда и никого не убивали, только усыпляли или ранили, делали то, что им было нужно, и уходили, не пытаясь хоть в чем-то контролировать только что захваченную планету. Но если уж они начинали воевать всерьез, то крови лилось столько, что... При воспоминании о нескольких таких операциях ордена Сирина передернуло. Но какова все-таки выучка! Да, ему бы такие подразделения, какую бы империю он создал...

– Господин директор! – снова ворвался в его размышления Лэнс. – Трое аарн требуют немедленной встречи с вами.

– Со мной? – изумился Сирин. Такого на его памяти еще не случалось, обычно орден делал на планете все что хотел, ни с кем не разговаривая. – Кто именно?

– Дварх-лейтенант легиона «Бешеные Кошки» Тина Варинх, Кровавая Кошка, вы о ней слышали: стадион на Белтиаре – это ее работа. Та самая женщина-физик Ли Инь и какой-то Баг, фамилия неизвестна, похож на обезьяну.

– Зови.

Господин директор настороженно ожидал. Ему еще ни с кем из аарн не доводилось говорить с глазу на глаз. Он не верил в распространяемые орденом сказки о том, что там собрались одни «странные», не желающие ничего для себя, не жаждущие власти. Если бы это было так, то

аарн давно распались бы. Но вот по каким критериям они отбирали себе новичков, он понять не мог, хотя и не раз пытался. И очень жаль, что не понимал, – попытки внедрить к ним агентов всегда срывались. Как профессионал Сирин мог только уважительно поклониться коллегам из ордена. На изумление хорошо работают!

Дверь распахнулась, пропуская трех людей в знаменитой черно-серебристой форме аарн – совсем молодую черноволосую девушку с насмешливым выражением озорных глаз, пожилую уже женщину желтой расы, явно родом с одной из внешних планет Ринканга, и юношу, действительно похожего на обезьяну. Он прятался за спины остальных и настороженно поглядывал по сторонам, похоже, боясь чего-то. Страх директор Департамента умел чувствовать очень четко. Хорошо, что кто-то из них боится, это надо использовать. Тут Сирин снова посмотрел на девушку, и господина директора передернуло – ее глаза перестали быть озорными, превратившись в тусклые, застывшие глаза трупа. А лицо стало мертвым, больше похожим на лицо зомби из низкопробного инфофильма ужасов, чем на лицо живого человека.

– Здравствуйте! – вежливо встал он из-за стола. – Присаживайтесь.

Девушка, идущая впереди, небрежно кивнула и нагло уселась на край стола, наклонившись прямо к изумленному таким поведением Сирину.

– А теперь слушайте меня, господин директор, – с холодной издевкой в голосе произнесла она. – Мы ищем человека, взятого вашими скотами. И ваше счастье, если он еще жив.

– Если у меня будет такая возможность, я всегда рад помочь нашим друзьям из ордена, – обтекаемо ответил Сирин, стараясь не обращать внимания на наглость девчонки и лихорадочно размышляя о том, кто мог им понадобиться.

В этот момент ему вспомнились слова Лэнса о том, что профессорша искала в университете Рогара Бенсона. А наглая девица говорит, что ордену нужен человек, взятый людьми Службы Очистки. Он быстро сопоставил факты и понял, что этот самый Бенсон – физик. Ведь искала его Ли Инь, сама физик по профессии, и искала именно на факультете гиперфизики. Но зачем им мог понадобиться арестованный ученый? Мало у них своих, что ли? Впрочем, теперь у него есть козырь, и можно поторговаться.

– Я немедленно отдам приказ выяснить, где находится господин Бенсон, – кивнул директор, наслаждаясь мелькнувшим на лице Ли Инь удивлением. – Вполне возможно, что его арест прошел мимо меня.

– А стоило бы вам поинтересоваться, – горько сказала женщина-физик, – кого вы арестовываете. Вашу планету знают в галактике только потому, что на ней живет Рогар Бенсон. Да о чем говорить, ваш собственный гипертерминал работает благодаря его открытиям!

Тут до господина директора дошло, что его люди ухитрились арестовать известного в галактике человека, и человека полезного, за чью голову могли снять и его собственную. Ведь он же спустил вниз приказ не трогать известных ученых! Что за идиоты сидят на местах?! Придется делать очередную чистку.

– Так вы выясните, дорогой мой, выясните... – ухмыльнулась в лицо Сирину дварх-лейтенант. – А то как бы худо не вышло.

Директор дернул щекой, но смолчал. Наглость орденской сволочи превышала все возможные пределы, но в ее руках сейчас была сила. Да и воспоминания о кровавом кошмаре, который эта совсем юная девушка учинила со своими жутковатыми «Бешеными Кошками» на Белтиаре, не придавали бодрости. Даже писанные сухим казенным языком отчеты было страшно читать. Ему совсем не хотелось, чтобы нечто подобное произошло здесь, на Риванге. Тем более что сейчас она привела даже не «Бешеных Кошек», а «Коршунов Ада». С этими хладнокровными убийцами не желал связываться никто и никогда – жалости «коршуны» не ведали в принципе.

Сирин отдал приказ узнать местонахождение профессора Рогара Бенсона, и неповоротливая машина Службы Очистки завертелась. Директор нетерпеливо ждал, ему никак не

хотелось ссориться с орденом – если профессор уже утилизирован, то последствия будут не слишком приятны. Наконец его терминал мигнул и выдал на экран информацию: «Дело № 9065445/7467. Рогар Джонатан Бенсон, профессор, действительный член Императорской Академии Наук Сторна, почетный член Пангалактической Академии, Академии Ринканга, Королевской Академии Парга, Научного Собрания Аарн Сарт, Тор-Ареала Драголанда¹³ и Баргадака Прох¹⁴ Сееванского Гнезда Гвард. Трижды лауреат Пангалактической Премии. Четырежды лауреат Императорской Премии. Кавалер всех пяти степеней ордена «За заслуги перед Империей». Нынешнее местонахождение: северный лагерь № 1234-23, Сорсерские острова. Осужден как «враг человечества» на пожизненное заключение решением Тройственного суда от 12/06/4567 года. Номер заключенного – 543678. В деле имеются отягчающие обстоятельства: содержание дома мальчишки-животного. На нынешний момент заключенный жив, информация подтверждена руководством лагеря – вышеуказанный заключенный присутствовал на утренней поверке. Состояние здоровья – критическое. Согласно заключению лагерного фельдшера смерть может наступить в любой момент».

– Так-так... – угрожающе протянула Тина, чей собственный гологипертерминал легко сломал защиту инфосети Службы Очистки и скопировал информацию на налобный монитор. – А теперь, господин директор, вы немедленно выпишете ордер на освобождение, и мы забираем профессора.

– Это нарушение закона, – спокойно ответил Сирин, решив поторговаться. – Он осужден по решению суда. Я не могу освободить его своим решением.

– Я бы не советовала вам пререкаться, – вступила в разговор Ли Инь, – подумайте о дварх-крейсерах на орбите.

– Наши государства не находятся в состоянии войны! – упрямо заявил директор. – Если бы еще не содержание дома человека-животного...

– Животного, значит, – зло ухмыльнулась Тина. – Баг, иди-ка сюда. Вот этот парень и есть то самое животное, которое содержал дома профессор. И он не животное, а гений из тех, что рождаются раз в тысячу лет. Вы, сторны, обрекли его на животное состояние. Поскольку у вас все определяется деньгами, то я объясню так: если бы вы использовали этого парня как надо, то вся ваша империя стала бы раз в десять богаче. А вы – на помойку гения... Теперь он аарн, и, уж будьте покойны, ничего из его открытий вам не достанется.

Баг торжествующе посмотрел в глаза директору и довольно оскалился. А тому было очень досадно – такого невезения он никак не ждал. Упустить гения? За такое по головке не погладят. И скрыть ничего не получится, уж этот-то разговор станет известен начальству обязательно, подчиненные не упустят возможности подложить директору свинью. Надо выторговать хоть что-нибудь, чтобы отвести от себя гнев императора.

– Жаль, конечно, – развел он руками, – но у всех случаются ошибки. Однако прошу понять и меня: я не могу своим приказом освободить осужденного по закону человека. Нужно решение суда. Хотя можно было бы договориться...

– Вы, уважаемый, – опять наклонилась к нему Тина, – кажется, вздумали с нами торговаться? Учтите тогда такой момент – Командор дал мне разрешение делать все, что я пожелаю. Хоть передавить всех сотрудников Службы Очистки, как вшей. И если я не получу профессора немедленно, то я это сделаю.

– Но... – попытался возразить перепуганный такой «великолепной» перспективой директор.

---

¹³ Драголанд – место жительства драконов. Тор-ареал Драголанда – научное общество, заменявшее в среде драконов Академию Наук.

¹⁴ Баргадак Прох – аналог Академии Наук в Гнездах Гвард. Гварды – цивилизация яйцекладущих, холоднокровных ящеров-гермафродитов, с которыми много тысяч лет вели войну человеческие народы галактики.

– Он все еще не понимает, – вздохнула девушка, разведя руками. – Что ж, сами виноваты. Чтобы вы нам не мешали, побегайте-ка собачкой. Человек, идущий работать в службу вроде вашей, – по определению мразь. А с мразью можно поступать как угодно.

– Пойдите! – воскликнул Сирин, поняв, что ошибся, но было поздно.

Тина отдала какую-то команду своему терминалу, что-то почти неслышно загудело, и господин директор Департамента больше ничего уже не видел и не слышал. Трое аарн покинули его кабинет, а вошедшие вскоре работники Службы застали изумительную картину. Господин директор изволил прогуливаться на четвереньках по ковру, через каждые несколько метров смешно подпрыгивая и весело тявкая.

В северном трудовом лагере № 1234-23 шел самый обычный день, холодно было до безумия, серые тучи доставали почти до земли. Основные бригады привели с работ и заперли в бараках, доходяги тихо помирали в лазарете. Господин комендант с заместителями пил разведенный спирт в тепло натопленной комендатуре.

Никто не ждал ничего нового на сегодня, все успели успокоиться после переполоха от запроса о каком-то эке, когда сверху вдруг раздалась оглушающая, рваного ритма, музыка. Все, кто мог, выскочили на улицу и замерли в ошеломлении. Над лагерем заходили на боевые позиции десантные катера неизвестной никому формы, с них сыпались на землю люди в черных как ночь зеркальных скафандрах. Охранники даже вякнуть не успели, как были обезоружены и парализованы каким-то излучением. Комендант очень быстро протрезвел, когда двое громил под руки подтащили его к молодой женщине со стеклом в руках. Когда он посмотрел на ее лицо, то его едва удар на месте не хватил, такой потусторонней жутью повеяло на него. Ощущение было, что он стоит перед умершим не меньше недели назад мертвецом, зачем-то выползшим из своей могилы. Женщина приподняла его голову стеклом и негромко, спокойно спросила:

– Где находится заключенный № 543678? Извольте отвечать быстро, если хотите жить.

Как ни странно, комендант знал ответ на этот вопрос. И был крайне счастлив этим обстоятельством, понимая, что никто с ним шутить не станет. Пару часов назад об этом же никому не нужном доходяге едва ли не в панике запрашивала столица. Такого не случалось за всю историю лагеря – если уж кто попадал сюда, то о нем во внешнем мире забывали прочно и навсегда. Этот запрос даже несколько испугал господина коменданта, доходягу по его приказу перенесли в относительно теплый барак и напоили горячей бурдой из остатков гнилых овощей, гордо именуемой в лагере супом.

– Он в восемнадцатом бараке, госпожа офицер, – пролепетал толстяк, весь дрожа и со страхом поглядывая на жутковатого вида оружие в руках десантников. – Я могу вас отвести...

– Ведите! – коротко приказала она, и комендант быстро поковылял впереди, с трудом переваливая на коротеньких ножках свое жирное, дряблое тело и едва пробираясь через сугробы.

Вскоре впереди показался дощатый барак. Войдя, Тина вздрогнула, представив, как в нем холодно без защитного скафандра. И здесь держат живых людей?! Да как же у них совести на это хватает? Но, посмотрев на коменданта, девушка поняла, что у подобных зверей не бывает ни совести, ни чести, ни достоинства. Еще большее омерзение она испытывала при воспоминании о директоре Департамента. Тина, войдя в его кабинет, не подняла сразу психощиты и сглупила, позволив себе вслушаться в чувства нелюдя. Теперь ее желудок бунтовал, стремясь освободиться от своего содержимого. Девушку передергивало при воспоминании о мерзостно воняющей клоаке, обнаруженной в душе господина директора. Комендант тем временем подвел их к какому-то беспрерывно кашляющему, полностью лысому и худому как скелет старику, лежащему на грязной соломе.

– Кто это? – с недоумением спросила шедшая позади Ли Инь.

- Это заключенный № 543678, он же Рогар Бенсон, – с готовностью ответил комендант.
- Это профессор Бенсон?! – в ужасе вскрикнула женщина. – Это?!!
- Да, госпожа... – сжался комендант.

Но женщина не слушала его. Она кинулась к несчастному. Тот, увидев, что к нему кто-то подошел, весь сжался и попытался отползти в угол, что-то почти неслышно шепча. Лишь внимательно вслушавшись, женщина поняла, что же он шепчет, умоляюще шепчет. Известный всей галактике ученый просил не бить его больше... Ли Инь ошеломленно отшатнулась, ее лицо тряслось, глаза блуждали – такого потрясения она не испытывала за всю свою жизнь, в среде аарн никто и представить себе не мог, что можно так обойтись с живым человеком, каким бы тот ни был.

– Профессор... – осторожно позвала она несчастного. – Я Ли Инь из Елисианского института гиперфизики. Мы с вами переписывались.

- Не бейте меня, пожалуйста... – продолжал шептать он. – Не надо...
- Профессор, это я – Баг! – кинулся возле него на колени юноша.

В глазах Бенсона впервые появилось что-то кроме страха. Он внимательно посмотрел на плачущего Бага, с трудом приподнял руку и осторожно погладил его по щеке.

- Баг, сынок... – прошептал он. – Ты живой?
- Да! – выкрикнул тот, яростно вытирая слезы рукавами формы. – Я теперь аарн.
- Аарн... – повторил профессор, и его взгляд остановился на эмблеме ордена, горящей на плече юноши. – Я рад за тебя, там прекрасные ученые, они многому тебя научат.
- Мы за вами, профессор, – наклонилась к нему снова Ли Инь. – Вы свободны!
- Свободен... – Бенсон по очереди оглядел каждого, кто стоял поблизости. – Боюсь, уже поздно.

– Пустите, я Целитель! – подбежал кто-то из десантников, держа в руках что-то белесое, медленно шевелящееся, похожее на большого червя. – Здесь стимулятор, он поможет вам продержаться до корабля. А там сразу же в ти-анх! Хотел бы я знать, что они с вами сделали! У меня нет с собой диагноста.

– Его несколько дней назад сильно избили блатные, – сказал кто-то из заключенных с соседних нар.

Ли Инь обернулась. На нее смотрел изможденный не менее профессора чернокожий человек. Что-то в чертах его лица было знакомо, и женщина спросила:

- А кто вы?
- Джабхай Маридун... – и чернокожий закашлялся.
- Хронофизик?! – Глаза Ли Инь полезли на лоб.
- Да, – кивнул он. – В этом лагере много ученых.
- Но вы ведь не гражданин Сторна! Как вы здесь оказались?!
- Сдуру приехал в местный университет читать курс лекций. Это только вас, аарн, ваш орден защищает везде и всюду. А меня взяли и не спросили, чей я гражданин.
- Госпожа Ли Инь... – снова привлек ее внимание шепот профессора Бенсона. – Если можете, прошу вас, помогите тем, кто здесь... Здесь столько талантливейших людей. Вчера вот забили насмерть Торва Линсона, вы наверняка слышали о нем – выдающийся математик...
- Слышала... – потрясенно пробормотала женщина. – Конечно, слышала... И его забили насмерть?

– Да... А Сог Маран, биолог, замерз три дня назад в карцере.

– Каждый ученый получит убежище в ордене! – разнесся по бараку гневный голос Тины. – Каждый, кто настоящий человек! Мы никого не оставим гнить здесь. И клянусь вам, что через пару дней в каждый такой лагерь этой гнусной империи наведуются наши легионеры!

Она повернулась к чернокожему физику, с надеждой смотревшему на нее, и попросила:

- Вы всех здесь знаете, не покажете ли мне тех, кто не блатной и не из братии палачей?

– С большой радостью! – появилась на губах измученного человека радостная улыбка. – Почту за честь, госпожа офицер!

И повел Тину по лагерю, собирать отчаявшихся, умирающих людей. Правда, в нескольких бараках десантникам пришлось дать несколько уроков распоясавшейся блатной сволочи, что, несомненно, пошло тем на пользу. Впервые видевшие людей в таком страшном состоянии, десантники едва сдерживались, чтобы не начать стрелять.

К сожалению, без инцидентов не обошлось... В последнем бараке на полу перед входом лежал в луже крови избитый до невозможного состояния человек. Джабхай при виде него поседел и кинулся вытирать кровь с лица несчастного. Десантник-Целитель вколол стимулятор и ему, затем открыл гиперпортал на крейсер и доставил избитого в госпиталь, которому никогда еще не доводилось работать с такой нагрузкой.

– Кто это был? – осторожно спросила Тина плачущего Джабхая.

– Вы, наверное, не слышали о нем... – с трудом выдавил тот. – Син Тирам, композитор.

– Автор «Кантаты Ветра»?! – расширились глаза девушки. – О Благие!

– Бедняга был бы рад узнать, что его музыку слушают и любят даже в ордене...

Взгляд хронофизика переместился в угол барака, где сбилась настороженно поблескивавшая глазами стая блатных, и Тина услышала, как он заскрипел зубами.

– Что случилось? – спросила девушка.

– Именно эти звери и забили насмерть Торва.

– Эти? – внимательно посмотрела в сторону блатных дварх-лейтенант «Бешеных Кошек».

– Эй, сучонка! – загнусавил один из них. – Ходь лучше сюды, пососеешь! У мне большой имеется!

Стая поддержала скота дружным ржанием.

– Чмок-чмок... – выдавил сквозь ржание еще один.

– Чмок-чмок, значит? – медленно повторила девушка, ее глаза стали белыми от ярости.

То, что сотворила с ней когда-то банда таких же зверей, снова встало перед глазами. Тина думала, что это навсегда забылось, но нет... Рука дварх-лейтенанта сама собой потянулась к кобуре, и ствол плазмера глянул на нелюдей. «Эй, девка, ты че, охренела?!» – только и успел крикнуть какой-то зэк, прежде чем сгустки плазмы ударили по ним. Блатные завизжали, пытались прятаться, прыгать из стороны в сторону, но все было бесполезно. Меньше чем через минуту только обгоревшие трупы напоминали, что такие-то и такие-то твари когда-то портили своим дыханием воздух Риванга. Тина уронила плазмер, села на пол и разрыдалась. Кто-то из десантников подошел и присел рядом:

– Ну что ты, сестренка... Это же не те, успокойся, такого никогда больше не будет.

– Ее еще до того, как попала к нам, изнасиловала банда подобных зверей, – объяснил изумленному Джабхаю еще кто-то, и ученый вдруг понял, что десантнику почему-то неловко, неудобно. Что расправа командира над блатными смутила парня.

– Спасибо вам, госпожа офицер! – поклонился ученый девушке. – Эта банда стократно заслужила свою участь.

Тина, взяв себя в руки, встала, коротко кивнула в ответ и вышла из барака.

Для Службы Очистки планеты Риванг наступили кошмарные дни. Каждый лагерь, где содержались заключенные, был атакован войсками ордена Аарн. Легионеры стреляли в палачей без разговоров, не считая тех больше разумными существами, ибо разумные не способны делать то, что делали эти звери с людьми. Вскоре большинство кают огромных дварх-крейсеров оказались забиты несчастными, ошалевшими от такого резкого поворота своей судьбы. Никто из них давно не ждал ничего, кроме смерти, да и радоваться они разучились. Многие к тому же не верили, что в мирах ордена их ждет что-нибудь хорошее, и ждали самого худшего. Госпитали были переполнены, Целители работали без отдыха, но все-таки не справлялись. Однако

ни один блатной или бывший сотрудник Службы Очистки не ступил на борт крейсеров – таким нелюдям в лагерях самое место.

Еще через два месяца бесчисленные флоты ордена окружили каждую планету империи Сторн. Императору был послан ультиматум – отказ от политики Очистки и освобождение заключенных. Но он попытался воевать с Аарн, еще не совсем понимая, с чем и кем имеет дело. Вскоре в империи Сторн на ставший вакантным трон взошла новая династия, с радостью выполнившая все требования ордена.

* * *

День выдался хорошим, голубые лучи солнца били в огромные окна спальни. Фрейлины и камеристки вились вокруг Лиэнни, что-то восторженно щебеча. Платье, в которое облачали девушку, оказалось сшитым столь по-идиотски, что надеть его самостоятельно было совершенно невозможно. И это несмотря на то, что заказали его у самого известного и дорогого модельера обитаемой галактики. У самой Лли Яр. Впрочем, Лиэнни в этот момент мало что интересовало – и как она будет выглядеть, и какое впечатление произведет, и что о ней подумают. Обида наполовину с горечью колыхалась у самого горла, и она почти ничего не видела, все тонуло в каком-то глухом черном тумане. Девушка покорно делала все, что от нее требовалось, зная, что все равно ничего изменить нельзя. Да и понимала умом необходимость предстоящего альянса.

Светлый князь Рабар Т'а Раге стал слишком опасен и влиятелен среди аристократии княжества, вот престол и захотел привязать к себе строптивого аристократа браком с дочерью правящего великого князя. Лиэнни позволила горькой усмешке незаметно скользнуть по губам – чувства этой самой дочери в расчет не принимались. Если бы еще не князь Т'а Раге являлся ее будущим мужем! Девушка слишком хорошо знала этого негодяя и презирала его всей душой. Рабар не останавливался ни перед чем для достижения своей цели. А цель у него была одна – власть, никем и ничем не ограниченная власть.

– Ваше высочество! – донесся до нее голос одной из фрейлин, графини Кристи Н'а Верт, уже не первый год бывшей наперсницей великой княжны. – Его величество ждет вас в своих покоях.

Слава Благим, утренний туалет закончен. Но интересно, чего еще хочет дорогой папа? Все, казалось, сказано уже давно. Они с отцом много горьких слов наговорили друг другу вчера, и обида до сих пор жгла душу девушки. Да, политическая необходимость, да, она все понимает, но почему именно ее нужно выдавать замуж за эту сволочь? Ведь старшие сестры восхищаются блестящим князем Т'а Раге, он им нравится, вот пусть какая-нибудь из них за него и идет. Нет же, отцу зачем-то понадобилось вытаскивать младшую дочь из любимой ею библиотеки и заставлять выходить замуж. Лиэнни знала, что счастья у великокняжеской дочери быть не может, что ее брак в любом случае станет лишь разменной монетой в политических играх. Но почему нужно выходить именно за того, кого она презирает больше всех? Лиэнни даже рискнула передать отцу подборку компрометирующих материалов на молодого светлого князя, но он только рассмеялся в ответ, сказав, что и без сопливых все знает. Тут-то и выяснилось, что Л'арард, охранка великого князя, прекрасно осведомлен об увлечениях юной княжны, мнившей себя непревзойденным и неуловимым хакером. Естественно, знал об этом и великий князь, позволявший любимой дочери резвиться, пока ему это не мешало. Сказать, что Лиэнни была ошарашена, мало. Она была попросту убита тем, что ей на самом деле всего лишь позволяли лазить по секретным архивам. Наверное, только этим ошеломлением можно объяснить, что девушка согласилась на отвратительный ей брак.

– Передайте его величеству, что я скоро буду, – неохотно бросила она в сторону Кристи, присевшей в реверансе. – Только закончу одеваться.

На самом деле Лиэнни уже оделась, но хотела выиграть время, чтобы обдумать предстоящий разговор. Может, все-таки удастся уговорить отца сменить невесту? Если бы... Ну, какая ему, собственно, разница, кто именно из дочерей станет женой проклятого Т'а Раге? Эрини, например, едва ли не хвостиком виляет, когда видит молодого князя. Вот бы выдать эту дуру за него замуж и посмотреть, насколько быстро Рабар взвоет... Вряд ли получится, от этой постоянно извергающей благоглупости идиотки шарахаются почти все кавалеры во дворце. И это несмотря на то, что она великая княжна. Представив себе светлого князя Т'а Раге, бегущего от докучающей ему глупой жены, Лиэнни хихикнула. Увы, не выйдет, светлый князь – не идиот и никогда не согласится жениться на Эрини. Но остальные трое? Чем они плохи? Девушка мало общалась со старшими сестрами, но знала, что они не дуры. Властолюбивые и эгоистичные стервы, меняющие любовников, как перчатки, – это да, но никак не дуры. Лиэнни только вздохнула.

Многие придворные кавалеры пытались найти подходы и к подросткам младшей дочери великого князя, но она устраивала каждому претенденту экзамен по древней литературе и философии, после чего отправляла опозорившегося и красного от досады ловеласа восвояси. Эти экзамены были любимым развлечением своры приставленных к Лиэнни фрейлин, и слухи о каждом долго носились по дворцу, над незадачливыми ухажерами смеялись все кому не лень. Только великая княгиня не одобряла действий младшей дочери, считая, что отец ей слишком многое позволяет. Ну да, вот тебе и позволяет... Лиэнни снова приуныла при воспоминании о предстоящей помолвке, но быстро заставила себя успокоиться. Ничего, от помолвки до свадьбы два года, как-нибудь да сумеет выкрутиться.

Княжна надменно приказала фрейлинам выметаться и внимательно осмотрела себя в зеркало. Да, она все-таки красива, не зря в последние годы на нее засматриваются все мужчины вокруг. А сестры едва ли не плюются вслед от зависти. Вот только счастья эта проклятая красота не принесла ни капли, одно горе. Уж как Лиэнни избегала любых светских мероприятий, балов, празднеств, уж как старалась не привлекать ненужного внимания высших аристократов. Увы. Княжне значительно интереснее было копаться в древних фолиантах или взламывать какой-нибудь секретный архив в инфосети. Даже не из вредности, просто из любви к искусству.

Иногда, к сожалению, все-таки приходилось посещать балы, например, в день тезоименитства или в день рождения великой княгини. От каждого из этих посещений оставался настолько гниlostный осадок в душе, что Лиэнни потом несколько дней не могла прийти в себя. Фальшь, сплошная фальшь, интриги, каждый пытается что-нибудь урвать для своего клана, каждый пытается очернить соседа и подать в выгодном свете себя. Эх, вот бы на сегодняшний бал не пойти, но никак нельзя, ведь он именно в честь этой самой проклятой Благими помолвки...

Лиэнни выругалась самыми грязными словами, которые только знала, затем хихикнула, представив себе, каким стало бы лицо чопорного барона Л'а Сино, учителя этикета, услышав от нее ругань. Да, картина была бы презанятная.

«Ладно, хватит ныть! – мысленно одернула себя княжна и поморщилась: – Я уже не ребенок. Придется искать другой выход, чтобы обезопасить себя от светлого князя. И я его найду!»

Стены палат огромного великокняжеского дворца княжества Кэ-Эль-Энах мелькали мимо Лиэнни, но она не обращала никакого внимания на роскошь и диковины, приводившие в изумление каждого, впервые посетившего дворец. Для княжны это был родной дом, в котором она выросла и к которому привыкла. Да и окружающую роскошь считала единственно возможным образом жизни. Девушка, конечно, знала, что в мире существует нищета и многие люди умирают от голода, но сама с этим никогда не сталкивалась, выросши в тепличных условиях.

Она быстро шла по коридорам к покоям отца, слыша впереди вопли церемониймейстеров: «Дорогу ее высочеству!», и морщилась от этих воплей. Обычно Лиэнни старалась нико-

гда не ходить центральными коридорами именно из-за этой помпезности, но теперь особого выбора не имела. К сожалению, «герой» сегодняшних событий она сама.

– Хотела бы я, чтобы это оказалось не так... – глухо пробормотала девушка себе под нос.

С каждым моментом ее злость и раздражение нарастали, ей страшно хотелось исцарапать кому-нибудь лицо в кровь. Хотелось визжать и бить все вокруг. Увы, не поможет, и Лиэнни держала себя в руках, надменно кивая в ответ на низкие поклоны придворных. Она свернула к покоям отца и подождала, пока очередной церемониймейстер не доложит о ней. Затем вошла.

Любимый кабинет великого князя Равана VI Т'а Моро был отделан редким коричневым деревом, поставляемым по диким ценам несколькими планетами Основания Лавиэн. На стенах висело коллекционное оружие, изящные шкафы скрывали в себе бесчисленные бары, наполненные спиртными напитками со всех концов обитаемой галактики. Даже лучшими сортами знаменитых орденских бренди и бальзамов. Хобби его величества состояло в коллекционировании редких спиртных напитков. Сам он стоял у полукруглого письменного стола и что-то быстро писал на экране электронного блокнота. Худой, невысокий, пожилой человек с крючковатым носом, чем-то похожий на нахохлившегося ворона. Волосы его величества были полуседеыми. Несмотря на то что ему исполнилось почти сто лет, он буквально горел и ни минуты не сидел без движения, до сих пор занимался спортом и каждое утро пробегал десять километров, затем два часа боксировал с собственными охранниками. Казалось, болезни и возраст вообще обходят великого князя стороной. Только самые близкие ему люди знали, что это далеко не так и Раван VI перенес несколько операций на печени. Врачи не обещали ему больше тридцати лет жизни, и его величество обманывать самого себя не собирался.

Услышав голос церемониймейстера, великий князь махнул дочери в сторону кресла и приказал оставить их наедине, не прекращая при этом писать. Лиэнни села в указанное кресло и мрачно осмотрелась. Желание сделать что-нибудь такое, от чего весь дворец встал бы на уши, становилось с каждым мгновением все сильнее. И не будь она Лиэнни, если не учинит чего-нибудь эдакого! Только нужно найти, что именно. Ладно, это пока подождет. Девушка увидела рядом на столе недопитый отцом бокал крепчайшего тиумского черного виски, ухватила его и залпом опрокинула в рот. Из глаз мгновенно брызнули слезы, дыхание перехватило, и она смогла только сдавленно зашипеть. Князь удивленно обернулся на шум, увидел покрасневшее лицо дочери, пустой бокал из-под виски и рассмеялся.

– Полегчало? – с иронией поинтересовался он. – Или все еще на пакости тянет?

– Тянет... – буркнула сквозь зубы Лиэнни.

– Ты ведь уже не маленькая, доча, – вздохнул он. – И какого хвоста Проклятого ты из себя капризного ребенка строишь?

– Достало меня все, па, – понурилась девушка. – Ты ведь знаешь, как я отношусь к светлому князю. Ответь мне хоть раз честно: почему именно я? Любая из старших до потолка бы прыгала от счастья на моем месте.

– Честно? – потер нижнюю губу князь. – Для того я тебя и позвал, доча. Хочу, чтобы ты не питала глупых иллюзий и все понимала.

– Хорошо, я жду твоих объяснений, – угрюмо уставилась на него Лиэнни.

– Почему ты? Да потому, что у меня нет сыновей. Были бы, так светлый князь Т'а Раге давно упокоился бы во время какой-нибудь «случайной» катастрофы. К сожалению, по нашим законам дочерям наследовать престол запрещено, наследует муж одной из дочерей, входящий в наш род. Ты знаешь, что я пытался изменить этот закон, но Совет Кланов меня не поддержал.

– Знаю! – мотнула головой девушка. – Но разве трудно было найти кандидата получше этого гнилого красавчика?

– К моему глубочайшему сожалению, он единственный, кто способен удержать княжество от гражданской войны, – кисло усмехнулся князь. – Ни один из других претендентов не имеет такой поддержки, особенно среди самых сильных кланов. Да и то, даже Рабар сможет

удержаться у власти только в случае, если его притязания окажутся законны, то есть он будет мужем моей дочери. Добиваясь этого брака, его клика немало неприятностей мне устроила. Во многих из кланов давно поговаривают о моем отречении от престола и передаче скипетра роду Т'а Раге.

– А на кой хвост Проклятого тебе этот престол сдался? – опустив голову, спросила Лиэнни. – Ты от него хоть каплю счастья имел когда-нибудь?

– Не имел. Но наша семья более тысячи лет является правящим домом Кэ-Эль-Энах, – ответил великий князь. – Это мой долг, да и смена династии никогда не приводила ни к чему хорошему для государства.

– Но все это не отвечает на вопрос: почему я?

– Да потому, что только ты сумеешь удержать этого идиота хоть в каких-то рамках! – в сердцах грохнул кулаком по столу великий князь. – Потому, что любую из твоих сестер он подомнет под себя, та и не заметит, как начнет петь с его голоса. Потому, что у меня есть только одна дочь, имеющая хоть какой-то практический ум, способная на что-то большее, чем крутить десятком любовников и прыгать с бала на бал! И это ты!

Лиэнни откинула голову назад от изумления и внимательно посмотрела отцу в глаза. Нет, он не лжет, он действительно так думает. Да и прав, если разобраться. Кроме балов, нарядов, любовников и возможного выгодного замужества, старших сестер не интересовало почти ничего. Однако ее саму тошнило от политики, эти игры пауков в банке вызывали у Лиэнни отвращение. Она сказала отцу о том, но он только поморщился.

– Да нет другого выхода, доча! – буквально выплюнул он. – Мне и так пришлось пойти на огромные уступки многим кланам, чтобы светлый князь согласился войти в род и принять наше имя! Чтобы не произошло смены династии. И...

Он замолчал.

– Что «и»? – требовательно спросила Лиэнни.

– Он сам захотел именно тебя, – глухо сказал великий князь. – Ни на кого другого не соглашался. Правда, по совсем другой причине...

– По какой? Или ты не знаешь?

– Знаю... Не хотел сначала тебе говорить, но лучше сказать. Не хочу, чтобы это явилось для тебя сюрпризом.

– Говори, па... – дернула губой Лиэнни. – Я справлюсь.

– Светлого князя очень задевает твое к нему отношение, – опустил глаза отец. – Ты ведь шарахаешься от него, как от прокаженного. Вот он и пообещал приятелям выдрессировать тебя так, чтобы ты по его приказу подпрыгивала и лаяла.

– Вот как? – девушка хищно оскалила зубы и прищурилась. – Подпрыгивала и лаяла? Это он тебе самому говорил?

– Ну, он все-таки не полный идиот, чтобы сказать отцу такое о дочери... Л'арард работает довольно неплохо, и мне докладывают почти обо всем, что происходит во дворце. Т'а Раге хвастался перед своими прихлебателями.

– И даже после таких слов ты не отказался от этого брака? – Голос Лиэнни дрожал, слезы застилали глаза. – Даже после них?

– Ты же знаешь, что я не могу! – вскочил на ноги великий князь. – Совет Кланов одобрил брак, и мы при всем желании не можем ничего сделать!

– Хорошо, я тебя поняла, – холодно сказала девушка, тоже вставая. – Выдрессирует, значит? Ничего, мы еще посмотрим, кто и кого выдрессирует.

– Вот! Вот именно этого я от тебя и хочу, девочка! Ты справишься с непомерным самонадменением молодого дурака. С ним ты справишься, я в тебе уверен. Но опасайся его дядю, князя Онга Т'а Раге, этот старый интриган очень опасен. Он способен на все и подмял под себя не один десяток кланов. И еще...

– Что?

– Я не хочу отдавать тебя Рабару, но у меня нет другого выхода. Меня загнали в угол, доча, и мне нужно время. Помоги мне, прошу тебя, и вдвоем мы сумеем выкарабкаться из дерьма. Князь Онг считает себя великим интриганом, но на самом деле многого не знает. А когда узнает, будет поздно.

– Тогда мне нужна вся информация о семье и клане моего будущего мужа, – спокойно сказала Лиэнни, не глядя на отца. – Не доступная, а вся.

– Она у тебя будет, – заверил ее великий князь. – Но, прошу тебя, постарайся не устраивать глупых скандалов.

– Что и как мне делать, я буду отныне решать только сама. Жених мне навязан, что ж, я подчиняюсь давлению. Но и только. Это понятно?

– Вот и хорошо, – закивал отец. – У тебя будет два года от помолвки до свадьбы, чтобы изучить все и подготовиться к браку. Искренне советую найти опытного любовника, чтобы извращенные желания светлого князя не оказались для тебя сюрпризом. Благо в наше время от тебя не требуется девственность.

– Ну, знаешь, папа... – у Лиэнни даже дух перехватило от холодного цинизма слов отца. – Ну, знаешь...

– А что тут такого? – удивился великий князь. – Это естественно, потому не безобразно. Никто не понимает, для чего тебе понадобилось воздерживаться от контактов с молодыми людьми, но, согласно отчету лейб-медика, ты все еще девственница. А ведь тебе уже двадцать, ты здоровая молодая женщина, организм которой должен получать свое! Твои сестры расстались с девственностью лет в пятнадцать каждая. Только ты ждешь непонятно кого. Пойми, принцы бывают прекрасными и благородными только в сказках, в жизни все они законченные подонки.

– Ладно! – взяла себя в руки девушка. – Я уже сказала, что все и всегда буду решать для себя сама.

Коротко поклонившись, она процедила с ледяной иронией:

– Позвольте откланяться, ваше величество?

– Иди уж! – с досадой махнул рукой великий князь. – И не забывай, что через полчаса начинается церемония помолвки в большом алмазном зале. Изволь не опаздывать!

Лиэнни снова коротко поклонилась и вылетела из кабинета отца. Сейчас ей еще больше хотелось сотворить что-нибудь гадкое, ярость так и рвалась из нее, девушка сдерживалась из последних сил. Одновременно хотелось плакать. Великий князь сказал дочери много нового, очень жаль, что она не знала об этом раньше. А особенно о том, что на ее кандидатуре настоял сам Т'а Раге. Лиэнни щелчком пальцев подозвала слугу с подносом шампанского и опрокинула в себя бокал холодной пузырящейся жидкости. Чуть полегчало, но в душе все так же стояла черная пелена. Да, от этого брака отвертеться не удастся ни в каком случае.

Снова вспомнились слова светлого князя, и зубы княжны сами собой заскрежетали. Выдрессирует, значит? Вот сволочь! Но стоп, дорогая, гневом ничему не поможешь, чтобы как-то справиться с ситуацией, нужна холодная и ясная голова. Девушка достала из ридикюля тонкую сигару и закурила. Курила она очень редко и только в случае, если хотела обдумать что-нибудь важное. Сейчас был именно такой случай, и Лиэнни жадно затянулась, глядя в одну точку. Княжна не обращала никакого внимания на снующих вокруг слуг и придворных.

«Итак, что мы имеем? – заставила себя успокоиться она. – Брак неотвратим, но у меня есть два года между помолвкой и свадьбой. Настаивать на близости в это время будущий муж формально права не имеет. Но только формально, ведь даже если он меня изнасилует, никто и слова не скажет будущему великому князю. Это ясно, значит, напрямую отказывать нельзя. Но необходимо суметь поставить себя таким образом, чтобы «дорогой» жених умолял о близости, а не брал меня, когда ему захочется. Чтобы каждый раз он воспринимал как милость с

моей стороны. Еще в одном папа прав: моя девственность Рабару достаться не должна, надо побыстрее найти какого-нибудь симпатичного офицера из гвардии, который хоть противен не будет. Уж такого добра, как brave гвардейские офицеры, во дворце с избытком. Найду, взять хотя бы давешнего лейтенантика, увивавшегося вокруг меня во время дня тезоименитства. Глуповат, конечно, но довольно мил. Может, светлый князь и сам откажется от брака, если я пушусь во все тяжкие, начну отдаваться всем подряд и устраивать оргии? Нет, очень сомнительно, хотя попробовать стоит, ни одного из возможных вариантов упускать нельзя. Наемного убийцу, что ли, найти? Так где его искать? Никакого понятия не имею... Ладно, хватит, пора на церемонию...»

Лиэнни швырнула окурочку на пол и быстро пошла в сторону алмазного зала.

Толпа сдержанно гудела, придворные медленно перемещались по огромному залу, обмениваясь мнениями по поводу предстоящего события. Все было готово, gobelены с символами становящихся родственными великих домов развесили на стенах, кардиналы Церкви Благих ожидали высокородных жениха с невестой на помосте. Представители тысяч кланов со всех планет княжества собрались в этот день во дворце, чтобы стать свидетелями важнейшего события. Не смена династии, но что-то очень близкое к ней. Все прекрасно понимали, что великий князь поставлен родом Т'а Раге в безвыходное положение, что он предпочел бы посадить младшую дочь на трон, не выдавая ее замуж. Но Совет Кланов под давлением Т'а Раге не дал ему сделать этого, обязав передать корону мужу одной из дочерей. Великий князь вертелся, как угорь на сковороде, но ничего изменить так и не смог.

Единственное, что настораживало, – личность младшей дочери князя, Лиэнни Т'а Моро. Девушка совершенно не походила на своих сестер, была невероятно красива, настолько, что у любого мужчины дух перехватывало при виде нее. Но притом обладала острым как бритва и быстрым умом. Стать жертвой ее ехидного языка боялся любой придворный. А если княжна, не дай Благие, сочиняла о ком-то эпиграмму, то несчастному после этого оставалось только покинуть двор. Над ним смеялись все. Но княжна была странной, ее непонятная увлеченность романтическими бреднями сместила, хотя в глаза смеяться над Лиэнни Т'а Моро не решился бы никто. Девушка не забывала обид и умела мстить чрезвычайно изобретательно. Многие даже сочувствовали ее жениху, которого невеста открыто презирала. Похоже, светлый князь вскоре сильно пожалеет, что взял в жены младшую дочь великого князя, а не одну из старших.

– Внимание! Внимание! – заголосили герольды, и придворные начали стягиваться к стенам, освобождая проход. – Приветствуйте глав кланов Кэ-Эль-Энах!

На помост, преисполненные чувством собственного достоинства (а попросту – надутые как индюки), медленно поднимались светлые князья, члены Совета Кланов, с решениями которого был вынужден считаться сам великий князь. Не было только Онга Т'а Раге, дяди жениха, и его отсутствие сразу насторожило понимающих людей. Что-то затевалось, и что-то неприятное, похоже, великого князя ждал еще какой-то сюрприз.

Странно, но патриарх тоже стоял рядом со светлыми князьями, хотя что мог делать в их обществе глава Церкви Благих княжества, не выносивший надутых спесью дураков и всегда выступавший против любых их начинаний? Да и выглядел пресвятой отец так, словно только что съел не один десяток лимонов сразу. Придворные осторожно перешептывались между собой, пытаясь понять, что же происходит. А те, кто знал, помалкивали в тряпочку, предпочитая не вмешиваться в дела самых могущественных людей княжества.

Мрачная решимость комом стояла в горле, но ничего не отображалось на лице Лиэнни, оно выглядело холодным и неприступным. Княжна шла на проклятую Благими помолвку, как идут на казнь, прекрасно осознавая, что пощады не будет. Главное теперь – не потерять лица, не утратить чувства собственного достоинства, и она его не утратит. Украшенные гирляндами

из тысяч редчайших тирнанских золотых лилий огромные двери алмазного зала приближались с той же неотвратимостью, с какой приближается к приговоренному к казни плаха. Лиэнни заставляла себя идти спокойно, никто не мог сказать ничего о буре, кипевшей внутри нее. Она знала сейчас только одно – светлый князь пожалеет о том, что вынудил ее стать своей женой. Сильно пожалеет. Вокруг почти никого не было, придворные набились в зал, ожидая начала грандиозного празднества. Девушка плотно сжала губы и решительно направилась к дверям, но в последний момент ее перехватил незаметный серенький человечек, придворный шут ее отца.

– Его величество должен сказать вам пару слов перед началом церемонии, ваше высочество, – и он кивнул влево, где в углу стоял великий князь.

Лиэнни удивилась – они же только что говорили, и все уже сказано. Но, присмотревшись к отцу внимательнее, девушка вздрогнула. Лицо великого князя выглядело неподвижным, мертвым, а глаза горели диким гневом. В такой ярости отца ей видеть еще не доводилось, это было попросту страшно. Рядом с ним со змеиной ухмылкой на губах стоял князь Онг, весь вид которого выражал торжество. Лиэнни передернуло – произошло что-то очень нехорошее, она ощутила это всей своей сущностью. Но что еще могло случиться? Что еще устроили эти сволочи?

– Извольте покинуть Нас, князь Онг! – Голос великого князя был столь холоден, что мог, казалось, заморозить воду. – Нам необходимо поговорить с дочерью.

– О чем еще говорить, ваше величество? – осклабился старый интриган. – Все уже решено, пора начинать церемонию.

– Вы слышали Наш приказ? Извольте выполнять! Здесь Мы великий князь!

Великокняжеское «мы» буквально проскрежетало в воздухе. Князь Онг скривился, поклонился и отошел, почти неслышно пробормотав себе под нос: «Ненадолго!» Еще раз оглянувшись, с ненавистью глянул на великого князя и скрылся за дверьми алмазного зала. Его величество с не меньшей ненавистью смотрел ему вслед и что-то бормотал сквозь зубы. Затем подозвал к себе дочь и произнес несколько странно звучащих слов. Их обоих окутала белесая дымка, и Лиэнни едва удержалась от крика – внезапная мертвая тишина изолирующего дзарт-поля ударила по нервам так, что по телу прошла дрожь. «Откуда у отца резонатор дзарт-поля?! – подобно перепуганной птице забилась в голове мысль. – Орден же не продает их никому!»

– Прости меня, доча! – Мрачный взгляд великого князя давил. – Все оказалось значительно хуже, чем я предполагал. Нас обошли, да так, что я даже не ожидал. Ни разу так не попадал впросак...

– Да что случилось-то?! – почти выкрикнула девушка.

– А то, что сегодня состоится не только помолвка, но и бракосочетание. Сразу после помолвки.

– Что?!

– То, что я сказал, – зло осклабился великий князь. – Совет Кланов единогласно проголосовал за изменение закона, а Церковь в лице патриарха одобрила. Меня поставили перед фактом.

– Н-но п-патр-риар-рх ж-же б-был н-на н-нашей стор-рон-не... – запинаясь, выдавила из себя княжна, ошарашенная новостью.

– Каждого человека можно на чем-то поймать, доча... – положил ей руку на плечо отец. – Каждого. Видимо, и у патриарха нашлись какие-то старые грешки, на которых его подловили. Держись, девочка моя, держись. Будь сильной, и мы со всем справимся.

– Справимся... – с горечью протянула Лиэнни. – И ты ничего не знал о том, что эти сволочи готовят? А что тогда делал твой хваленый Л'арард все это время? Ведь такое за один день не подготовишь!

– Не подготовишь, – согласился великий князь. – Кто-то из верхушки Л'арарда продался. И я, пожалуй, даже знаю, кто. Обещаю, что этот человек очень и очень сильно пожалеет.

– А что мне с того? Мне-то женой Рабара все равно быть! И ничего не изменишь!

Лиэнни почти кричала, сжав кулаки. В душе бился ужас пополам с горькой обидой, и девушка едва сдерживала слезы. Новая беда полностью выбила ее из колеи. Это значило, что уже этой ночью ставший светлейшим князем Рабар получит законное право делать с ней все, что только пожелает. И Лиэнни стало страшно, как никогда, она вспоминала обещания Рабара и содрогалась – ведь эта сволочь сотворит с ней что-то жуткое, и никто не вправе будет ему хоть что-то сказать. Нет, он не посмеет убить великую княжну до того, как сам станет великим князем, но превратить ее жизнь в ад вполне способен.

– Прости, доча... – Горящий ненавистью взгляд великого князя уперся в стену. – Мне нужны были эти два года отсрочки... Очень нужны. А теперь придется по-иному.

– Что – по-иному?

– Я не хотел идти этим путем, слишком много крови прольется. Но князь Онг со товарищи не оставил мне другого выхода. И теперь эта помолвка мне больше не нужна, руки у меня развязаны. Они сами этого захотели и сами виноваты в том, что случится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.